

DOI: 10.46698/VNC.2024.18.45.001

Алан Ахсарович Туаллагов

доктор исторических наук, заведующий
отделом археологии, СОИГСИ ВНЦ РАН
(362040, РСО-Алания, Владикавказ,
пр-кт Мира, д. 10.)
E-mail: soigsi@mail.ru
<https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>

ЗНАМЕНА АЛАН

Аннотация. Предлагаемая статья посвящена изучению визуальных символов алан и их культурно-исторической преемственности, исследуемых в рамках проблематики геральдики и вексиллологии. Подводятся и общие итоги с включением предшествующих работ автора в данном направлении. Целью исследования является выделение и анализ типов аланских знамен и связываемых с ним геральдических символов. Новизна исследования заключается в анализе конкретных данных источников, который дополняется их рассмотрением в культурно-историческом контексте эпохи средневековья, в систематизации накопленного опыта по реконструкции истории формирования и распространения соответствующих знамен. Исследование основывается на выявляемых оригинальных данных письменных источников и археологических памятников. В его ходе использовались методы текстуального исследования источников, визуального анализа изобразительных памятников, индуктивного и логического анализа на основе принципа историзма и системности изложения.

Среди представленных зооморфных символов определяются образы кошки, кунцы, собаки, льва, крылатой львицы, дракона и оленя. Историческая достоверность большей части из них на современном этапе вызывает объективные сомнения. В число таких символов, бесспорно, входят и те, которые явно представляют собой авторские интерпретации. Исключением являются драконообразные знамена алан. Наиболее обоснованным представляется решение о первоначальном формировании таких знамен в древнем Китае, где сам образ дракона обрел тесную символическую связь с идеей верховной власти. Из Китая знамена были заимствованы в контактной зоне их северными соседями, у которых символом власти и покровителем воинских союзов выступал пес-волк. В резуль-

тате знамена были преобразованы на основе контаминации заимствованного и оригинального образов, что сформировало собственные драконообразные знамена с головой волка и телом змея. Такие знамена хуннов получили свое дальнейшее распространение и послужили прототипами для волчьих знамен тюркских народов. Другая линия развития была связана с ираноязычным сармато-аланским миром. Через него знамена распространялись не только в родственной этнокультурной среде, включая образцы как с головами, так и без голов, но и достигли вместе со своими носителями Западной Европы. Здесь они оказались включены в число римских воинских знамен и императорских инсигний, но со временем утратили символическую связь с образом пса-волка, преобразовавшись в исключительно драконообразные знамена. Дериватами этих знамен могут служить некоторые образцы, представленные в традиционной культуре осетин. Данное положение представлено и в отношении знамен с двумя окончаниями и со скошенным или ступенчатым основанием.

Ключевые слова: вексиллология, геральдика, письменные и археологические источники, символизм, аланы.

Для цитирования: Туаллагов А.А. Знамена алан // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX. С. 76–141.

Рукопись поступила в редакцию 07.09.2024

Рукопись принята к печати 01.11.2024

Alan Akhsarovich Tuallagov

Dr., Head of the Department of Archeology,
V.I. Abaev North Ossetian Institute of
Humanitarian and Social Studies, Vladikavkaz
Scientific Center of RAS (362040, RNO-Alania,
Vladikavkaz, Mira Avenue, 10.)

E-mail: soigsi @mail.ru

<https://orcid.org/0000-0002-1857-0306>

BANNERS OF THE ALANS

Abstract. The proposed article is devoted to the study of visual symbols of the Alans and their cultural and historical continuity, studied within the framework of the problems of heraldry and vexillology. General results are also summarized, including the author's previous work in this area. The purpose of the study is to identify and analyze the types of Alanian banners and heraldic symbols associated with them. The novelty of the study lies in the analysis of specific source data, which is supplemented by their consideration in the cultural and historical context of the Middle Ages, in the systematization of the accumulated experience

in reconstructing the history of the formation and distribution of the corresponding banners. The study is based on the identified original data of written sources and archaeological sites. In its course, the methods of textual study of sources, visual analysis of pictorial monuments, inductive and logical analysis based on the principle of historicism and systematic presentation were used.

Among the presented zoomorphic symbols are the images of a cat, a marten, a dog, a lion, a winged lioness, a dragon and a deer. The historical authenticity of most of them at the present stage raises objective doubts. Among such symbols, undoubtedly, are those that clearly represent the author's interpretations. The exception is the dragon-shaped banners of the Alans. The most reasonable solution seems to be the decision on the initial formation of such banners in ancient China, where the image of the dragon itself acquired a close symbolic connection with the idea of the supreme power. From China, the banners were borrowed in the contact zone by their northern neighbors, for whom the wolf-dog acted as a symbol of power and patron of military unions. As a result, the banners were transformed on the basis of contamination of the borrowed and original images, which formed their own dragon-shaped banners with the head of a wolf and the body of a snake. Such banners of the Huns received their further distribution and served as prototypes for the wolf banners of the Turkic peoples. Another line of development was connected with the Iranian-speaking Sarmatian-Alanian world. Through it, the banners were spread not only in the related ethnocultural environment, including examples with and without heads, but also reached Western Europe along with their carriers. Here they were included among the Roman military banners and imperial insignia, but over time they lost the symbolic connection with the image of the wolf-dog, transforming into exclusively dragon-shaped banners. Some examples presented in the traditional culture of the Ossetians can serve as derivatives of these banners. This position is also presented in relation to banners with two ends and with a beveled or stepped base.

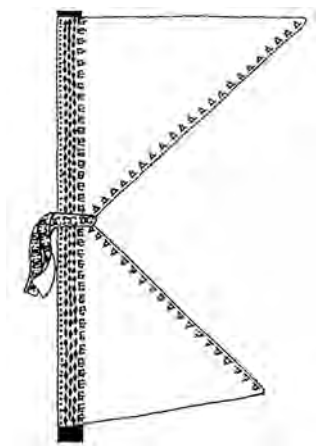
Keywords: vexillology, heraldry, written and archaeological sources, symbolism, Alans.

For citation: Tuallagov A.A. Banners of the alans // NARTAMONGÆ. 2024. Vol. XIX, P. 76–141.

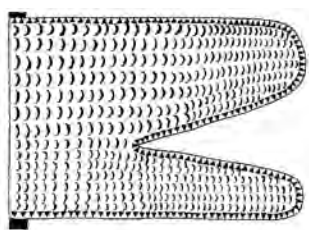
Received on 7 September 2024

Accepted on 1 November 2024

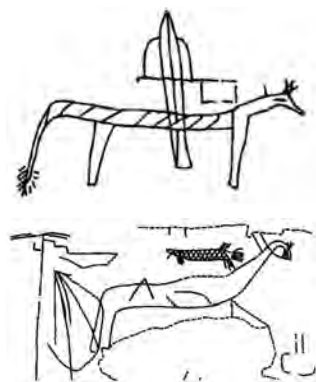
В истории алан известны различные типы знамен. Согласно одной из гипотез, два наиболее ранних из них обнаружены в тайнике насыпи кургана «Дачи» (Нижний Дон), рубежа I–II вв. Согласно реконструкции, они представляли собой кожаные полотнища с двумя окончаниями, обшитыми золотыми бляшками различных геометрических форм. Первое было очень узким, с острыми окончаниями и двумя лентами завязками у древка (илл. 1). У второго знамени окончания были округлыми, а верхнее было несколько длиннее нижнего (илл. 2).

Илл. 1

Илл. 2

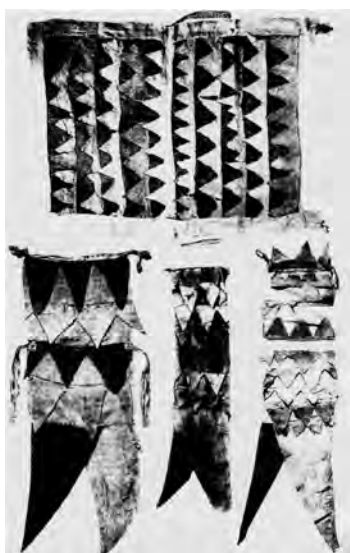

Илл. 3

Для декора знамен и креплений завязками указаны параллели в материалах кургана № 6 хуннского могильника Ноин-Ула (Монголия) начала I в. н. э. Сопоставление полагается допустимым с учетом версии о миграции «протоалан» из Центральной Азии и фиксации разнообразных хуннских элементов в Сарматии после прихода алан в I–II вв. Находки сопоставляются с изображениями двух знамен на стенах Кяфарской гробницы (Карачаево-Черкесия), которую предложено считать захоронением Дорголеда, правившего в Алании в XI в. Им, в свою очередь, находят прямые параллели в свадебных и траурных знаменах осетин и иных образцах [Уарзиати 1987: 114–115, 128; Яценко 1993: 66; 2001: 367–369; Воронятов, Мачинский 2010: 70; Воронятов 2012: 7]. Подобные траурные знамена, но прямоугольной формы усматривают в процарапанных рисунках (граффити) рубежа нашей эры в храме Байты III (Казахстан) (илл. 3), которые связывают с комплексом сармато-аланских представлений [Яценко 2017: 273–274].

Вынужденно отвлекаясь от нашей темы, следует заметить. Высказывавшиеся утверждения о признании осетинами себя преемниками культурного и символического, включая геральдического, наследия тюрков [Саламзаде, Абдуллаева 2017: 72–73], не имеет никакого основания. Приведение при таком утверждении мнения о существовании «флагов аланских каганов VIII–XIV вв.» некоего цвета с геометрическим изображением и тюркоязычными надписями апеллирует к квазинаучным утверждениям [Салпагаров 2002], т. е. ни к чему.

Возвращаясь к нашей теме, укажем, что сопоставление с ноинулинскими материалами (илл. 4) относится к плоскому «четырёхугольному шёлковому... флагу с треугольными фестонами» и цилиндрическим двухконечным «шёлковым флагам-джалсанам с треугольными фестонами» на деревянном обруче, найденными в кургане № 6 [Руденко 1962: 91, 118, таб. LII, 2–4].

Илл. 4

Илл. 5

Илл. 6

Вместе с тем, высказывалось мнение, что цилиндрические образцы могут относиться к деталям костюма [Полосьмак 2011: 122]. Были высказаны и возражения к реконструкции материалов из кургана «Дачи» и предложена их иная реконструкция, связанная с конским снаряжением [Лукьяшко, Филимонова 2001: 339–345; Филимонова 2008: 72], которые, в свою очередь, были пунктуально отвергнуты [Яценко 2003: 312–315].

Исследователям известна тесная связь знамени с копьем, включая использование в качестве знамени копья со специальным знаком. В Андреевском кургане (Мордовия) I–II вв., содержащем сарматские материалы, найдена насадка на копье с двумя петлями для крепления небольшого знамени (илл. 5). Ее сопоставляют с втулкой копья (илл. 6), украшенной золотой обкладкой, разноцветными камнями и тамгообразным знаком, из подкурганного погребения возле Аджимушкайских каменоломен (Крым) IV в. н. э. Такое копье с втулкой могло служить для подвешивания знамени по типу римского vexillum, как изображено, например, в росписи Стасовского склепа (Крым) II в. н. э. [Воронятов 2012: 4–7].

Тамгообразный знак на втулке включают в число знаков царей Боспорского царства, имевших сармато-аланское происхождение. В их верхней части в форме тамгообразного знака могло представляться схематичное изображение дракона [Туаллагов 1994: 61–62; 2000: 160–161; 2002: 103–104; 2004: 283]. Исследо-

ватели полагают, что тамгообразные знаки могли наноситься непосредственно и на полотнища знамен.

В данном контексте обращается внимание на появление на германских наконечниках копий II–III вв. (Западная Украина, Польша, Германия, Норвегия), кроме германских магических знаков и рун, тамгообразных знаков, что свидетельствовало о германо-сарматских контактах. Одни исследователи считали, что они означали заключение военного союза на уровне

воинов-дружинников [Щукин 1994: 230], но оставляли вопрос, в целом, открытым [Щукин 2005: 72–73, 84; 2011: 174]. Другие полагали, что изначально они связаны с военными союзами и ограниченными браками верхушки сарматов и готов. После того как дружественные сарматские кланы сошли с исторической арены, германские воины могли «по праву» использовать их знаки, параллели чему усматривают в этнографии народов Северного Кавказа [Яценко, Добжаньска 2012: 276–280; Яценко 2020: 410–413].

Считали, что знаки, как и руны, наделяли оружие сверхъестественными свойствами, сакральной силой. После нанесения поражения сарматам готы нанесли их на свои копья как «трофеи», чья сила и удача должны были теперь служить им. Сами знаки они могли ранее видеть в татуировках на телах сарматов или в виде тавра на их конях, на их знаменах или штандартах [Воронятов, Мачинский 2010: 66, 69–71; Щукин, Мачинский, Воронятов 2011: 259–260]. Перенесение их на свои копья рассматривали как прообразом ситуации завладения святыней противника — его знаменем [Воронятов 2012: 9; 2012а: 420–423; 2014: 60–64].

Видимо, в последний раз аланские знамена (*senyeres*), но без их какого-либо описания, упоминались Рамоном Мунтанером в событиях 1306 г. Считают, что на них могли быть помещены тамгообразные знаки [Алемань 2003: 398, 400–401], что, однако, как и в выше указанном случае, не имеет себе никакого фактического подтверждения. В целом, следует признать, что прямых доказательств наличия упоминавшихся форм знамен у алан в письменных источниках или археологических материалах не представлено.

Но наиболее известными для алан стали боевые знамена, которые сопоставлялись с разобранными хуннскими знаменами — металлическая голова и туловище из ткани — могильника Ноин-Ула [Яценко 1993: 66; 2001: 371]. Речь идет о предлагавшейся реконструкции, связавшей в ноинулинских материалах находку навершия в форме бронзовой головы волка, солнечных розеток и двухконечных «шёлковых флагов-джалсанов с треугольными фестонами», в которых усматривали задние ноги существа. В собранном виде и получалось соответствующее тотемическое изображение,

Илл. 7

которое включали в круг прототипов соответствующих волчьих знамен тюркских народов [Esin 1972: 15, 22, 24, pl. II, a, b, c].

Бронзовое навершие в виде головы волка с длинным рогом, моделированной в высоком рельефе (илл. 7), происходит из кургана

№ 1 (Мокрый). Оно сопоставляется с изображениями волчьих голов в искусстве племён Горного Алтая скифского времени, в частности, с вырезанной из дерева волчьей головой из Большого Катандинского кургана [Руденко 1962: 76, таб. XXXII, 2].

Другие навершия — розетки (35 шт.) на насадках-втулках с шипом из кургана № 25. Определяется их китайское производство и использование как наверший флагов на высоких шестах, к которым они крепились гвоздями через два отверстия на втулке [Руденко 1962: 84, таб. XXXIII, 1, 2]. Как отмечалось выше, двухконечные «шёлковые флаги-джалсаны с треугольными фестонами» представлены в кургане № 6. Полагали, что именно они подвешивались на шипах насадок-втулок [Руденко 1962: 91].

Единая «сборка» вызывает некоторые сомнения не только в условиях разбросанности материалов по разным курганам и условности трактовки матерчатой части реконструкции. Розетки-навершия сами венчали древка, что не оставляет места для навершия в форме головы волка. Но, в целом, безотносительно допустимости конкретной реконструкции, центральноазиатские истоки происхождения аланских драконообразных знамен [Яценко 1992а: 48–49; 1993: 65] не вызывают особых возражений. Интересно также замечание в отношении изображений крылатых волков в Жалтыракташе (Таласский Ала-Тоо), связываемыми с Кангюйской державой. Один из таких волков наделяется дополнительными растительными и зооморфными чертами — рога оленя, когти птицы, хвост в виде дерева. Крылья же оформлены в виде «двузубого знамени», напоминающего о ноин-улинских образцах [Рогожинский, Сулайманова, Яценко 2022: 310, рис. 2, 3, 311–312].

По заключению ученых, мифологический образ дракона сформировался в Юго-Восточной Азии, откуда был заимствован древними китайцами. У них образ дракона со временем оказался тесно связан с идеей верховной власти, с образом императора. Сформировавшиеся в Китае драконообразные знамена впоследствии были заимствованы «северными варварами». Примеров такого заимствования считают [Дэвлет 2008: 108–111] изображение (илл. 8) на «оленном камне» № 2 местности Хэрэсүрийн дэнж (Монголия) [Волков 2002: 52–53, 151, таб. 36, 2].

Как справедливо отмечали исследователи [Яценко 1993: 65–66], точная копия аланских знамен известна еще в раннем средневековье в Синьцзяне (Китай) [Grünwedel 1912: 189, fig. 432; Esin 1972: pl. II, d] — «святой воин» (Нагараджа) в Кирише (илл. 9). Там же фиксируются и иные изображения (илл. 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17), в

Илл. 8

Илл. 9

Илл. 10

Илл. 11

Илл. 12

Илл. 13

Илл. 14

Илл. 15

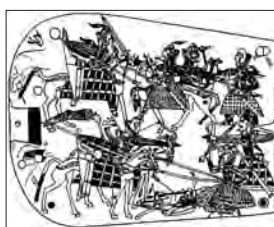
Илл. 16

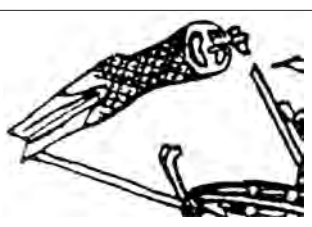
Илл. 17

Илл. 18

Илл. 19

которых представлены знамена, как с головами драконов, так и без голов [Grünwedel 1912: 24, fig. 46, 47; 46, fig. 90; 58, fig. 117; 123, fig. 274; 131, fig. 287; 304, fig. 617]. Изображения предложено датировать VII в. н. э. [Marciniak 2010: 86]. Следует отметить, что находки относятся к районам, ранее связанными и с историей юэчжей-тохаров, чья миграция на запад положила начало многим перемещениям древнего ираноязычного населения, одним из результатов которых стал выход на историческую арену алан. Но на период их создания они находились под контролем тюрков, хотя прослеживается и влияние Ирана. С изображением из «Пещеры с голубями» в окрестностях Кызыла (илл. 14) сопоставляли изображение из Карачара (Карашар) (илл. 18) [Борисенко, Худяков 2017: 126, рис. 1, 127].

Илл. 20

Илл. 21

Исследователям хорошо известны оригинальные костяные пластины из погребения кургана № 2 Орлата (Узбекистан) с изображениями охоты и боя пеших и конных воинов (илл. 19). За спиной одного из всадников изображено закрепленное знамя, но без головы дракона. Некоторые исследователи указывали на наличие головы ушастого зверя при нечеткости деталей [Пугаченкова 1987: 61], что нельзя подтвердить.

Исследователи не исключают, что подобные знамена изображены на монетах индо-скифских правителей (илл. 20), таких, например, как Азес I (57–35 гг. до н. э.) и Азес II (35–12 гг. до н. э.) [Marciniak 2010: 21, 203, ill. 12, 13; Mysykkaty 2019: 329]. Данное сопоставление представляется вполне допустимым, если только мы не имеем дела с элементом одежды, как полагали другие исследователи, приводя образец рисунка на ковре мужских персонажей в сакских костюмах из кургана № 20 могильника Ноин-Ула [Полосьмак 2011: 122], и что более очевидно (илл. 21) для монеты Гондофара [Gazerani 2016], правившего в 19/20–46 гг. н. э. [Gazerani 2016: 22–23].

Драконообразное знамя представлено в руке пешего воина (илл. 22) в росписи «Синего зала» Пянджикента (Таджикистан), которую связывают с сюжетами из биографии эпического Рустама. Отмечалось, что в средневековой лексике народов Средней Азии наверхшие знамена обозначалось словом «аджар», имевшим значение «дракон», что могло фиксировать реальную практику изображать в качестве наверхший именно драконов [Дмитриев 2001]. Дракон, согласно «Шахнамэ», был изображен на знамени Рустама, чьим историческим прототипом был правитель Сакастана второй половины I в. н. э. из рода Аршакидов [Shahbazi 1993: 160], хотя история его появления связывается с драконоборческой темой [Gazerani 2016: 36–37, 55–57, 73–76]. Но здесь следует помнить об объединении и уподоблении образов дракона и драконоборца [Пропп 1986: 197–278], которое выражается и в известных представлениях о том, что дракона может победить только дру-

Илл. 22

Илл. 23

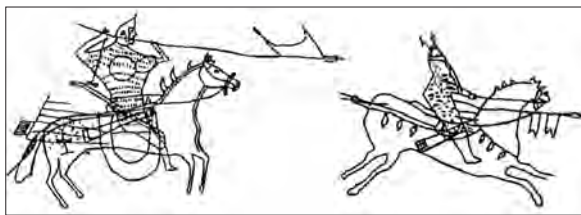
гой дракон. В XI в. султан Махмуд Газнави в качестве своего флага выбрал флаг Рустама с изображением дракона [Халимова 2019: 161].

В той же росписи Пянджикента представлены и другие знамена (илл. 23). Некоторые авторы называют держащего его воина тюрком (относят к прототюркам скифов и сарматов, что научно беспомощно — А. Т.) и считают знамя изображением волчьей головы [Умаров 2015]. Речь идет о тканевом полотнище, в котором голова волка должна передаваться в профиль. Видимо, данная трактовка восходит к мнению других исследователей [Маргулан 1997: 11].

Подобные знамена усматривают [Ауанасова, Аяган, Нурпеисов 2019] в петроглифах Ой-Джайляу (Казахстан) (илл. 24) [Советова, Мухарева 2005: 93, рис. I, II, 12]. Они напоминают отмеченную форму знамени с укороченным основанием на Кяфарской гробнице, имеющие параллели в осетинской этнографии. Но усматривать в нем форму волчьей головы нет видимых оснований. Собственно, и полагаемые тюркские трактовки не столь однозначны. К ним, например, отнесены изображения кыргызских знамен сулекской писаницы с Енисея [Маргулан 2003: 18]. Но другие исследователи более нейтрально обозначают их [Советова, Мухарева 2005: 95, рис. II, 8, 9] как «знамя с двумя хвостами» [Окладников 1951: 149], «прямоугольные, с косицами» [Самашев 1992: 174], что представляется вполне объективным (илл. 25).

Илл. 24

Илл. 25

Илл. 26

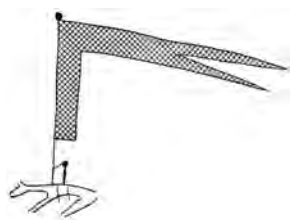

Илл. 27

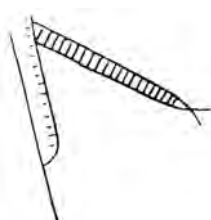
Здесь следует вернуться к образцам упоминавшихся знамен, представленных на Кяфарской гробнице. Их форма может быть определена как знамя с двумя косицами (с треугольным вырезом) и основанием (илл. 26, 27).

Отмечалось, что такая форма могла быть широко распространена на Северном Кавказе в раннем средневековье. В данной связи указывалось на одно из позднесредневековых изображений (илл. 28) на скалах у с. Капчагай (Дагестан) [Марковин 1958: 152, рис. 6, а], которое, в свою очередь, сопоставлялось с изображением (илл. 29) на западных отрогах Нарра-Тюбинского хребта того же региона. В нем представлены фигуры оленей, несущие черты скифского влияния и имеющие аналогии в VI–V вв. до н. э. [Марковин 1958: 152, рис. 6, а, 158–159, рис. 10]. Также указывалось на известность таких знамен в этнографии народов Дагестана [Кузнецов 1961: 110; 1984: 230–231, 248, прим. 54; 1992: 258].

Отметим, что отрицание сопоставления с изображением у с. Капчагай за счет различных пропорций [Охонько 2021: 116] представляется излишне категоричным. Капчагайское изображение явно непропорционально само по себе, что видно при его сравнении с изображением всадника и коня. Сложно принять и сопоставление с поздними дагестанскими образцами за счет указания [Кузнецов 1961: 110, сн. 11] на знамя Хаджи-Мурата (илл. 30) [Ясулов 1927: 41] или на знамя с рельефа раннесредневековой церкви у с. Ольгинское в Абхазии (илл. 31).

Илл. 28

Илл. 29

Илл. 30

Илл. 31

Более отдаленные аналогии видят в изображениях знамен, приведенных на карте Вахушти Багратиони, что трактуется как свидетельство об их более древних корнях и о популярности на Кавказе [Охонько 2021: 116–117, 118, илл. 19, а]. Интересно, что среди таких знамен с карты Вахушти Багратиони 1735 г. приводится [Охонько 2021: 119, илл. 19, в] и знак «Лекиса Дагистаниса» («Лекиса Дагъистаниса»), который, по заключению специалистов [Тахнаева 2016: 186–196], был выдуман самим Вахушти Багратиони. Данное положение указывает на то, что флаги подобной формы, действительно, были широко распространены у различных народов кавказского региона, позволив Вахушти Багратиони создать и такую фальшивку.

Собственно, кавказские материалы — знамена с треугольным вырезом (с двумя косицами) и без основания — имеют многочисленные параллели в самых различных регионах мира, что свидетельствует об общем типологическом сходстве знамен, не имеющим никакой генетической связи. То же касается отмечавшегося сопоставления кяфарских знамен с образцами из могильника Ноин-Ула (Монголия) и из тайника насыпи аланского кургана «Дачи» [Яценко 2001: 367]. В целом, данные образцы (илл. 1, 2) представляют собой те же знамена с двумя косицами и без основания.

Что касается формы знамени с двумя косицами и основанием, то упомянутое изображение на западных отрогах Нарра-Тюбинского хребта мо-

Илл. 32

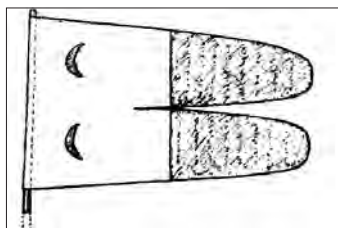
Илл. 33

жет подразумевать большую древность подобных знамен. В раннем средневековье такие изображения также вполне узнаваемы и неоднократно приводились в публикациях исследователей, в том числе, в контексте кяфарских изображений [Кузнецов 2019: 49; Охонько 2022: 47]. Они, например, представлены в упоминавшихся сулекской писанице (Енисей), в росписи Пяджикента (Таджикистан), в петроглифах Ой-Джайляу (Казахстан), на сосуде из кладя у с. Надь-Сент-Миклош (Румыния) (илл. 32), на костяных пластинах из погребения № 2, кургана № 1 Шиловского могильника (Волга) [Сташенков 2019: 196, рис. 1, 4, 6] (илл. 33), и т. д. В целом, ученые изначально объективно отмечали [Кузнецов В. А. 1977. С. 102], что знамена, подобные изображенным на Кяфарской гробнице, в раннем средневековье были широко распространены от Сибири до Дуная и Кавказа.

Кяфарские образцы определяли как боевые знамена [Уарзиати 1987: 114–115], одновременно предположительно сопоставляя их с осетинскими траурными знаменами со скошенным или ступенчатым основанием [Уарзиати 1987: 128]. Одни исследователи изначально не могли объяснить значения опущенного знамени [Кузнецов 1977: 102], а другие впоследствии усматривали в его положении траурный мотив [Охонько 1992: 21]. Недавно было высказано замечание, что опущенное знамя символизирует смирение и покорность [Кузнецов 2019: 48], что сложно воспринимается в виду абстрактности полагаемого при этом мотива, в отличие от его приложения тем же автором к символу опущенной секиры.

Напомним, что сопоставление с осетинскими этнографическими материалами получило свое развитие в отношении отмеченных находок из Ноин-Улы и «Дач». Причем, при сопоставлении с осетинскими траурными знаменами одного из образцов из «Дач» указывалось на такие признаки, как округленные концы выступов, полумесяцы в поле, лента у древка [Яценко 1993: 66]. Следует заметить, что округленные концы выступов и полумесяцы в поле отмечаются для знамени (илл. 34), являвшемся у осетин свадебным [Уарзиати 1987: 121, рис. 2]. В то же время на картине 1946 г., изображающей скачки в честь умершего, такого известного знатока осетинской этнографии как М. С. Туганов, представлено черное траурное знамя с двумя острыми косицами (илл. 35). Надо полагать, что подобные знамена, но, видимо, разных цветов, представлены на рисунке М. С. Туганова, дающего панораму уже осетинского праздника (илл. 36).

Тем не менее, знамя из «Дач» (верхнее) с двумя острыми концами косиц (илл. 1) продолжало сопоставляться с осетинским свадебным знаменем, которое имеет округленные концы косиц, а другое (нижнее) с округленными концами косиц (илл. 2) — с осетинскими траурными знаменами, не имеющими косиц вообще. Причем, для обоих знамен одним из прототипов называются знамена хунну из Ноин-Ула [Яценко 2022: 213]. Заметим также, в частности, что лента у древка представлена на указываемом траурном осетинском флаге [Уарзиати 1987: 127, рис. 4]. Однако привязывание ленты имеет иной характер, чем на реконструкции образца из «Дач».

Илл. 34

Илл. 35

Илл. 36

Форма скошенного или ступенчатого основания осетинских траурных знамен не привлекалась к рассмотрению, видимо, исходя из его отсутствия в реконструкции образцов из «Дач». Но затем осетинские траурные знамена были сопоставлены с изображением приспущенного знамени на Кяфарской гробнице и реконструируемым остроконечным (верхним) знаменем из «Дач» [Яценко 2001: 367]. Сопоставление кяфарских изображений с образцами из «Дач» вне осетинских материалов приводилось и другим автором [Охонько 2022: 46–47].

Им также определялось опущенное кяфарское знамя в руках пешего персонажа (илл. 26) как траурное [Охонько 2021: 40, 130–131; 2022: 44, 46, 50–51]. В другой раз знамя в руке спешившегося всадника (илл. 27) называют личной инсигнией правителя [Охонько 2021: 111]. Подразумевается изображение одного и того же знамени правителя, но представленного в разных по содержанию сценах — траурной и победной [Охонько 2021: 115–117, 129], чему приводятся соответствующие исторические параллели [Охонько 2022: 45].

Надо полагать, что данная интерпретация уже принята и другими исследователями [Бабенко, Колесникова 2022: 353]. Видимо, она лежит и в основе кратких замечаний об изображенных флагах при попытке интерпретации сюжетов на стенах гробницы за счет материалов балкаро-карачевского нартовского эпоса [Эдиев 2023: 14, 15]. Наконец, исходя из версии о принадлежности гробницы аланскому правителю Дорголелю, предполагается изображение царской инсигнии XI в. лабарума — государственного знамени Алании и одной из инсигний царской власти, личным знаменем Дорголея [Кузнецов 2019: 49–50], что нашло положительное восприятие [Охонько 2022: 9].

В целом, трактовки кажутся вполне приемлемыми, особенно для опущенного знамени, как используемого в траурной композиции, несмотря на отсутствие фрагмента перед изображением. В данном случае оставляем в стороне трактовку о государственной, царской инсигнии в виду отсутствия тому каких-либо фактических подтверждений. Общая грубая схематичность изображений знамен не позволяет строго судить об их конкретных деталях и формах, из чего исходят при приведенной интерпретации [Охонько 2021: 117]. Можно допустить, что у опущенного знамени основание полотнища несколько скошено, что ближе к траурным осетинским образцам, тогда как знамя в руках спешившегося всадника, вроде, не имеет никакого скоса. Однако строго настаивать на таком различии затруднительно.

Но, в общем, представляется сложным принять прямое сопоставление изображений знамен, представленных на Кяфарской гробнице, с образцами из кургана «Дачи», которые не имеют укороченного основания.

Нет возможности согласиться с трактовкой кяфарских знамен как передающих изображение головы животного с раскрытой пастью и шеей, что служит предлогом для сопоставления с драконообразными знаменами [Кузнецов 2019: 49]. Кстати, такая трактовка сопоставима с отмечавшейся выше давней трактовкой таких знамен как изображений волчьей головы с позиции тюркской истории. Известные изображения и элементы драконообразных знамен имели конструкцию штандарта в форме головы, исполненного из твердого материала, и туловища из ткани, способного развиваться на ветру. Известны и образцы только с тканевым элементом. Кяфарские изображения не имеют к ним отношения, и нет видимых оснований искать для них драконообразные прототипы.

Кроме того, видимо, следует привлечь дополнительное внимание к некоторым деталям изображений. Прежде всего, речь идет об изображении спешившегося всадника (илл. 27). Все антропоморфные фигуры на стенах гробницы даны во фронтальном развороте, лицом к зрителю, что подтверждается изображением на передней стене мавзолея. Тогда получается, что спешившийся всадник держит знамя в левой руке, а конская уздечка наброшена ему на правую руку, указывая на то, что он спешился с правой стороны коня. Такое положение напоминает прежнее правило для вестника о скончавшемся человеке у осетин, когда тот менял обычное положение всадника на прямо противоположное, почему его сразу узнавали. Он держал ногойку в левой руке, а спешивался и садился на лошадь с правой стороны [Чибиров 2008: 250], т. е. и повод держал в правой руке.

Заметим, что правильная прижизненная посадка представлена на аланских амулетах, на что при этом обращается внимание, — на шее коня левая рука [Охонько 2021: 115–117]. Такая же посадка представлена и у всадника за спиной спешившегося всадника на гробнице (илл. 27), явно участвующего в ином сюжете. Но опять же окончательно настаивать на такой интерпретации для кяфарского изображения, которому приписывают прямо противоположное значение — духовная победа правителя Алании над дьявольскими силами [Охонько 2022: 45, 46, 108], сложно.

Строго говоря, не наблюдается оснований для утверждения, что при изображении кяфарских знамен оригинальная форма их полотнища была достигнута за счет преднамеренного его изменения — обрезаны острые углы косиц, нижняя косица меньших размеров, чем верхняя, добавлено основание [Охонько 2021: 117]. Во-первых, знамя не может служить объектом манипуляций, некоего «творческого вдохновения» художника. Во-вторых, образец из кургана «Дачи» показывает наличие знамен с укороченными окончаниями косиц и разными размерами косиц (илл. 2). Более интересно могло бы быть сопоставление с европейским средневековым ритуалом повышения статуса

рыцаря в баннереты — рыцаря, получавшего за личные боевые заслуги или долгое участие в войнах право вести свой отряд в бой под собственным знаменем, когда король обрезал косицы его флага [Охонько 2022: 47]. Но такое сопоставление не только отрицает рассмотрение кяфарских знамен как царской инсигнии. Кроме того, косицы обрезались полностью, что превращало знамя в прямоугольное полотнище [Арсеньева 1911: 15].

В целом, следует согласиться с замечанием, что у нас нет надежных оснований принимать гипотезу о принадлежности Кяфарской гробницы именно Дорголею [Малахов 2023: 504], что, видимо, осознавалось и самим ее автором [Кузнецов 2019: 34, сн. 4]. Данное замечание следует учитывать в отношении предложения усматривать в изображении знамени личную инсигнию Дорголея. Само замечание следует, как представляется, распространить на общую трактовку гробницы как царского погребения, служащую предлогом к объявлению изображенных знамен государственным знаменем Алании и одной из инсигний царской власти.

Илл. 37

Осторожно приведем еще одно наблюдение в отношении параллели между кяфарским опущенным знаменем в руках пешего персонажа и одним из упоминавшихся выше вариантов осетинских траурных знамен [Уарзиати 1987: 127, рис. 4]. Такое знамя имело криво обрезанный нижний край прямоугольного полотнища, а на древко повязывалась лента, два конца которой свешивались вниз (илл. 37). Но при движении или ветре концы должны были получать

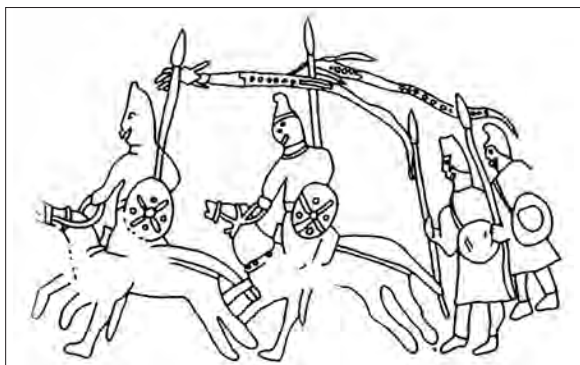
горизонтальное положение, развиваясь над полотнищем, что по схеме напоминает знамена с двумя косицами и основанием.

Заметим, что данное траурное знамя было черного цвета, по осетинской традиции, изготавливаясь в честь умершего молодого человека [Уарзиати 1987: 126]. По другим данным, такое знамя делали для умершего молодого человека, привезенного откуда-то [Дарчиева 2013: 136–138, 143], т. е. умершего вне родины. На упоминавшейся картине М. С. Туганова черное знамя имеет две острые косицы (илл. 35). Другие исследователи отмечали постановки на могилах флагов красного, белого и черного цветов, не исключая их связь с поминальными знаменами [Дарчиева 2013: 134–135]. К сожалению, кяфарские изображения лишают нас возможности определить с цветовым решением для знамен.

Продолжая тему драконообразных знамен, укажем на обращение внимания исследователей и на находку в районе г. Остяко-Вогульска (совр. Ханты-Мансийск) серебряной позолоченной головы, длиной 30 см, с глазами,

Илл. 38

Илл. 39

инкрустированными изначально цветной пастой (илл. 38). Она, как полагали отдельные ученые, служила навершием сасанидского драконообразного знамени.

Указывалось на сходство этой головы с изображением головы мифической собаки-птицы — Сэнмурва, служившей знаком царского достоинства первого Сасанида и украшавшей, согласно «Шахнаме», знамя Сасанидов. Причем, такие детали головы как завитки шерсти на подбородке сравнивались с образцами китайского искусства танского времени. Полагают, что штандарт из северо-восточных областей сасанидского Ирана VI–VII вв. попал на север в качестве военного трофея [Тревер 1940: 17–19]. Но следует помнить, что другие специалисты, исходя из конструктивных особенностей находки, высказали сомнение в ее использовании как навершия штандарта, предполагая и возможность рассмотрения как части зооморфного трона VIII в. [Иванов, Луконин, Смесова 1984: 25–26; Маршак 2017: 95, сн. 110].

Исследователи также полагали, что в сасанидском драконе можно усматривать царскую эмблему [Sarre, Herzfeld 1910: 209–210; Окладников 1950: 164–166]. Заключение напоминает нам о тамгообразных знаках боспорских царей сармато-аланского происхождения. Возможно, сасанидские всадники с драконообразными знаменами (илл. 39) изображены на коптских настенных росписях IV–V вв. из оазиса Харга (Египет) [Vermaat 1999].

Ученые считают [Массон, Пугаченкова 1954: 164, № 25, 168; Никоноров 1987: 162], что такой дракон еще периода правления Аршакидов как сигнум начальника тысячного отряда был изображен на оттиске печати (илл. 40) из Старой Нисы. Близкие изображения дракона отмечают в рельефах парфянского дворца в Хатре II в.

Илл. 40

Илл. 41

и на реверсе монеты (илл. 41) Вологеза IV (191–209 гг.) [Les Monnaies des Rois Parthes 1877: № 23].

Наиболее полное представление о драконообразных знаменах [Altheim 1939: 77, 156, 182–183; Окладников 1950: 164–166; Wheeler 1978: 359–360; Хазанов 2008: 182–183; Никоноров 1987: 162; Nickel 1991: 139–142; Маслов 1999: 223; Колобов 2001: 41; Туаллагов 2000: 159–162; 2004: 283–284; Brzezinski, Mielczarek 2002: 38–39; Симоненко 2002: 121; Нефёдкин 2004: 137–141; 2011: 185–192; Худяков 2005: 355–356; Советова, Мухарева 2005; Борисенко, Худяков 2005: 57, 62; 2017: 127, 129–130; Банников, Морозов 2013: 145–147; Nicolini 2021: 1–9 и др.] среди европейских источников представлено в описании упражнений римской конницы в «Тактическом искусстве» Флавия Арриана, составленном в 136 г.:

«Выступают же они под различными значками, не только римскими, но и скифскими, благодаря чему весь строй всадников становится и пестрее, и вместе с тем более грозным. Скифские же значки представляют собой драконов, поднятых на соразмерную высоту на шестах. А сшиваются они из раскрашенных лоскутов, и своими головами и всем телом вплоть до хвостов уподобляются змеям, так, чтобы как можно страшнее их изобразить. Хитрость же состоит в том, что, когда кони неподвижны, можешь увидеть не более чем разукрашенные лоскуты, свешивающиеся вниз, а когда кони скачут, значки вздуваются и весьма напоминают этих животных, да еще и свистят от быстрого движения под воздействием проходящего через них воздуха. И эти значки не только приятны для глаза и поражают воображение, но и весьма полезны для разделения отрядов при атаке, для того чтобы они не смешивались друг с другом. Поэтому несущие их всадники, наиболее опытные в контрмаршах и разворотах, избираются для тех или иных действий по кругу и тех или иных выездов по прямой, и остальной массе не остается никаких других забот, кроме как каждому следовать за своим значком. И таким образом получается, что при различных поворотах, многообразных обратных контрмаршах, при тех или иных видах атак отряды остаются несмешанными. А соединишь значок со значком <или> наткнись конь на коня, весь отряд расстроился бы, и это повредило бы не только красоте, но и пользе дела» [Арриан 2010: 55, 185–186].

Близкое ему описание дает византийский словарь Суды X в.:

«Скифские значки, которые носят на войне, имеют пестрые по цвету ткани, которые особенно похожи по виду на змей и висят на соразмерных шестах. Хитрость же такая: когда несущие их бегут или выступают на

конях, они вздуваются так, что кажутся более всего похожими на этих животных [змей], в особенности из-за того, что они неким образом звучат из-за проходящего с силой внутри них дуновения против движения» [Арриан 2010: 133, комм. 169].

Не исключают, что у Суды знамена-драконы «индийцев» IV в. связаны с подразделениями в 1 000 воинов ираноязычных народов Азии, возможно, «скифо-сарматского» происхождения [Marciniak 2010: 138–140]. В данном случае справедливо вспоминают о драконах-знаменах парфян, предположительно для подразделения в 1 000 воинов, о которых сообщал Лукиан Самосатский, описывая римско-парфянскую войну 162–165 гг. [Marciniak 2010: 105–107; Банников 2011: 98].

Несомненно, драконообразные знамена служили заметными знаками для координации боевых действий. Кроме того, их свист мог служить ориентированию воинов по звуку, а положение тела — ориентиром по ветру для лучников и метателей дротиков. Как отмечают исследователи, описание Флавия Арриана полагает, что заимствование знамен римлянами было все еще недавним событием. Другие авторы не рассматривают сообщение как указание на уже произошедшее заимствование [Арриан. 2010: 133; Marciniak 2010: 105–106]. Полагают, что такое описание появляется только в конце III в. у Марка Аврелия Олимпия Немезиана, подтверждаясь для 304 г. произведением Аврелия Пруденция [Marciniak 2010: 107–108, 123–124].

В речи XVIII (Περὶ τῆς τοῦ βασιλέως φιληκοΐας) Фемиствия, произнесенной 11 сентября 384 г., драконы из тонких материй [Themistii Orationes... MDCCCXXXII: 267, 627; Латышев 1948: 262], возможно, представлены среди императорских инсигний еще со времен Нерона [Туаллагов 2004: 284], что сложно сегодня признать достоверным. Следует указать на сообщение Валерия Флакка в его поэтическом произведении «Аргонавтика», в котором упоминается легион фракийского племени бисалтов под водительством Колакса, имя которого является именем легендарного правителя скифов Колаксия. В давнем переводе на русский язык представлен образ «воздушных драконов» [Известия древних писателей... 1904: 207, 208], что комментируется указанием на значки и эмблемы скифов в описании Флавия Арриана и словаря Суды и на их последующее распространение под скифским влиянием у персов, парфян и римлян [Латышев 1949: 345, сн. 6]. Опуская указание на допустимые в поэтическом произведении вольности и скифо-фракийскую контаминацию в нем, укажем, что сам перевод «auratos ... dracones» некорректен, а следует переводить — «золотых... драконов». Причем, по мнению специалистов, есть основания полагать, что речь шла о шейном украшении Колакса [Valerius Flaccus... 2000: 41, n. 57]. Собственно, драко-

Илл. 42

Илл. 43

ны служат символом матери Хоры (Hoeae), которая является легендарной змееной богиней — прародительницей скифов [Valerius Flaccus... 2000: 38–39, п. 51, 41, п. 58], что, на наш взгляд, препятствует установлению связи образа драконов поэмы с драконообразными знаменами.

Наиболее раннее изображение драконообразных знамен в римской армии представлено на саркофагах Портоначчи (илл. 42) и Людовизи (илл. 43) конца II–начала III вв. Внедрение таких знамен связывают с широкомасштабными столкновениями римлян с представителями ираноязычного мира начала II в. н. э.

После Дакийской и Парфянской кампаний в римскую армию были введены вспомогательные контингенты тяжеловооруженной конницы сарматов и даков, которые несли и соответствующие знамена. Происходило и реформирование конницы на сарматский манер. Бронзовая голова дракона (илл. 44) как часть штандарта III в. обнаружена в римском военном поселении в Нидербибере (Северный Рейнланд-Пфальц, Германия).

Полагают, что с ней сопоставимо изображение драконообразного знамени на арке Константина Великого 315 г. (илл. 45), в сцене въезда в Рим после победы в битве у Миленского моста 28 октября 312 г. [Marciniak 2010: 66–67].

Илл. 44

Илл. 45

Считают, что во второй половине II в. драконообразное знамя становится основным у римской кавалерии, а в III — начале IV вв. — общевоинским штандартом. В то же время в описании Аммиана Марцеллина драконы с пурпурными нашивками на вершинах копий предстают в качестве императорских знамен [Негин 2010: 20–21, 40, илл. 17, 41, 176–180; Арриан 2010: 133–136; Bishop, Coulston 2009: 187–189; Банников 2011: 98–99; Delia 2020: 203–205].

В XVI в. н. э. в Карпатском бассейне была обнаружена гравированная золотая пластина (ныне утеряна), весом 1,75 кг, изображавшая змея или дракона и служившая навершием знамени, которое считают царским штандартом правителя даков Децебала [Makkaу 1998: 20–21]. На арке Траяна изображено вторжение Децебала 101–102 гг. в Мезию. На ней у даков (илл. 46) и среди трофеев (илл. 47) представлены драконообразные знамена, но здесь же изображены и всадники роксолан. Всего знамена отмечаются 27 раз. Некоторые исследователи не исключают, что знамя появилось у даков под влиянием сармат, а через даков попало к римлянам [Арриан 2010: 133–134]. Но на самой арке Траяна такое знамя не проявляет никакой связи с сарматскими всадниками.

Илл. 46

Илл. 47

При Антонии Пие (138–161 гг. н. э.) на римских монетах Дакия изображалась [Абрамзон 1995: 153] с короной в правой руке и с подобным знаменем в левой руке [Mattingly 1940: 189, pl. 26, 12]. Возможно, несколько иная композиция известна по другим более поздним сериям монет (илл. 48).

Драконообразное знамя в качестве трофея (илл. 49) представлено на рельефе храма Адриана (138–145 гг.) на Марсовом поле в Риме.

Сарматы-языги и аланы принимали участие в I Маркоманнской войне (167–175 гг.) против Рима. Примечательно, что император Марк Аврелий (161–180 гг.) в приписываемом ему письме Сенату отмечал, что враг выставил 74 дракона на пути продвижения римских отрядов [Маккау 1998: 14]. Соответствующие трофеи изображены на колонне Марка Аврелия (илл. 50), хотя некоторые исследователи сомневаются в такой идентификации [Marciniak 2010: 44–46].

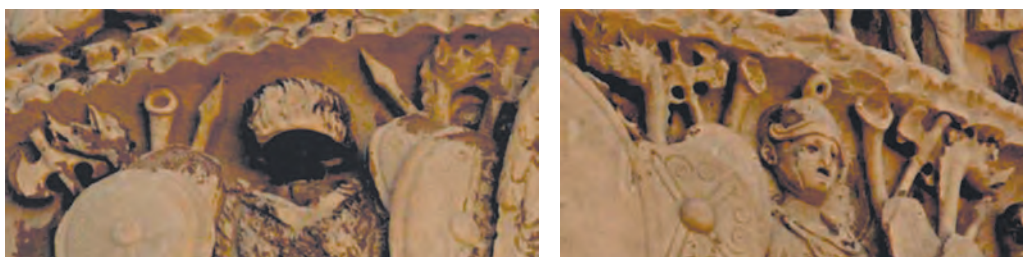
Внимания привлекают к себе некоторые данные нумизматики [Mattingly 1940: CXXVI, CXXVII, CXXVIII, n. 4, CXL]. Такие знамена как

Илл. 48

Илл. 49

Илл. 50

трофеи (илл. 51) были изображены на монетах Марка Аврелия [Mattingly 1940: pl. 88, 6], выбитых в честь победы над языгами, и среди трофеев на его колонне [Нефёдкин 2004: 48; Marciniak 2010: 46].

Предполагают, что сарматы, выступившие на стороне Рима, с такими знаменами изображены на арке Галерия в событиях войны 290-х гг. против персов (илл. 52).

На монетах [Mattingly 1940: pl. 87, 6, 88, 7; 1960: pl. XLIV, 2] представлены и знамена прямоугольной формы, подвешенные на древко, типа римского vexillum (илл. 53). Один из них прикреплен к наконечнику копья и украшен диагонально перекрещивающимися линиями. Позднее о vexillum сарматов-лимигентов писал Аммиан Марцеллин, что сопоставлялось и с упомянутыми находками в Андреевском кургане и в погребении у Аджи-мушкайских каменоломен [Нефёдкин 2011: 188, 194; Воронятов 2012: 7].

Однако в отношении изображения vexillum было справедливо отмечено, что такие же трофеи представлены на монетах Марка Аврелия в честь победы над германцами. Поэтому нельзя исключать условного характера такого изображения [Нефёдкин 2004: 140]. В данном случае следует отметить, что изображения драконообразных знамен на монетах Марка Аврелия в честь победы над языгами имеют параллель на монетах Коммода в честь победы над германцами (илл. 54).

Илл. 51

После своего поражения языги обязались поставить Риму 8 000 всадников. 5 500 из них были направлены в Британию на охрану Адрианова Вала (другие на подавление мятежа Авидия Кассия в

Илл. 52

Илл. 53

Илл. 54

Илл. 55

Сирии). В начале XVII в. возле современного г. Рибчестер в Ланкашире были найдены два надгробия, которые, к сожалению, утеряны к настоящему времени. Первое было поставлено жене Юлия Максима, *singularis consularis alae Sarmatorum*. На втором, где изображался пронзающий врага длинным копьём всадник, упоминался декурион сарматской алы. Поскольку алы обычно состояли из 500 воинов, то, следовательно, языги были разделены на 11 отрядов. Две другие надписи из Рибчестера, посвященные Аполлону Манопу и восстановлению храма и датированные 238–244 гг. и 225–235 гг., упоминают *numerus equitum Sarmatorum Bremeten-nacensium Gordianorum*.

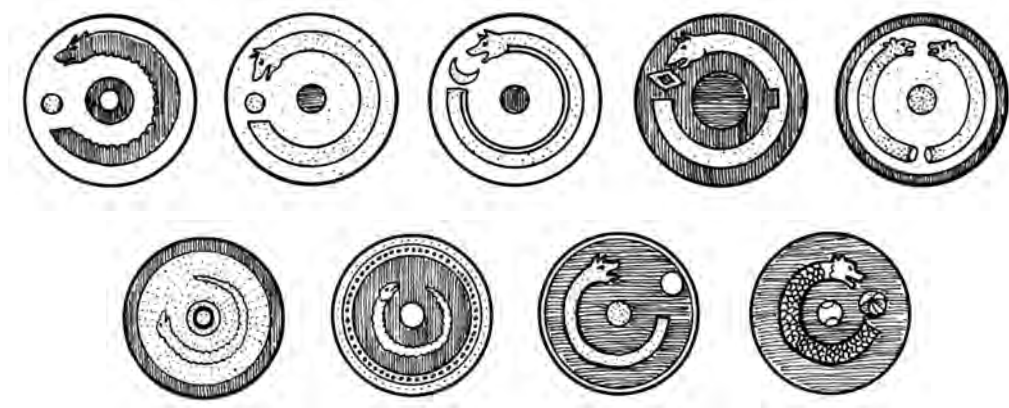
Еще на одном рельефе из Честера (илл. 55), найденном в 1890 г. и датированном концом II или III вв. н. э., изображен всадник в защитном вооружении, держащий над головой драконообразное знамя [Richmond 1945: 15–29; Трейстер 1994: 52–53]. К сожалению, верхняя часть изображения знамени повреждена, что препятствует его четкому определению. Некоторые исследователи [Яценко 1992: 77–78; 1993а: 81] предлагали трактовать изображенное на надгробии знамя как плеть, в которой усматривали атрибут громового бога осетинского Нартовского эпоса, что следует отклонить. Другие исследователи только допускали сарматскую атрибуцию памятника [Marciniak 2010: 53; Kramer 2014: 57–59] или предлагали признать в честерском надгробии изображение дакийского воина [Mihailescu-Bîrliba 2009: 146–174]. Полагают, что история сарматов Британии, находившихся на службе Рима, стала источником и для образов драконообразных знамен в легендах о короле Артуре и даже для современного флага Уэльса.

Попытка усмотреть на честерском памятнике изображение дакийского воина справедливо, как представляется, была отвергнута [Nicolini

2021: 1–9]. В то же время не все приводимые аргументы в пользу сарматского происхождения знамен можно принять. Так, давние попытки связать название савроматов с названием и образом ящерицы [Nicolini 2021: 4] давно и объективно отвергнуты, являя пример ложноэтимологического осмысления названия на основе созвучия с греческой лексемой [Туаллагов 2018: 266–267]. Надо полагать, что драконообразные знамена достаточно быстро распространились не только среди алан, но и среди родственных им в этнокультурном плане различных сарматских объединений. В данном контексте следует отметить и известные дальние азиатские параллели в материалах определенных археологических памятников, связываемых с сарматами. Видимо, остается только отметить, что чештерский всадник держит драконообразное знамя в левой руке, что напоминает о наблюдениях в отношении изображения спешившегося всадника на Кыфарской гробнице.

Некоторые исследователи также полагали, что тесное взаимодействие сарматов с германскими и кельтскими племенами, например, тайфалами и менапиями, привело к заимствованию последними определенных конных традиций сарматов, что отразилось, в том числе, в изображениях драконов на их инсигниях, зафиксированных в *Notitia Dignitatum* (илл. 56) [Nickel 1991: 139–140]. Отмечается и совместная служба сарматов и тайфалов, например, в Галлии [*Notitia Dignitatum*., MDCCCLXXVI: 219. № XLII, 65; *Notitia Dignitatum*... 1839–1853: 122, 983, 1082, 1084]. Включение в такое решение и некоторых восточных представлений о драконе другие авторы считают возможным для части изображений [Marciniak 2010: 70–72].

Изображения знамен различных типов представлены в граффити на западной стене склепа кургана на Госпитальной улице в Керчи (Крым)

Илл. 56

Илл. 57

(илл. 57). Одно из них сопоставляют с образцами из «Дачи» и Ноин-Улы, другое имеет форму узкого и длинного полотнища с навершием на древке в виде головы дракона. Предварительно изображения широко датировались со II в. по V в. [Рукавишникова, Бейлин, Федосеев, Воронков 2018: 164, 165]. Вопрос об их происхождении остается открытым [Рукавишникова, Бейлин, Меньшиков 2019: 207–210].

Что касается наличия подобных знамен у алан Северного Кавказа, то, к сожалению, письменные источники не донесли до нас соответствующей информации. Правда, некоторые исследователи полагали, что именно аланские знамена с драконами представлены в труде Мовсеса Хоренаци в описании походов алан в Закавказье [Уарзиати 1995: 223; 2017: 279; Хатуев 1999: 64; Чибиров 2013: 492; Мысыккаты 2021: 52, сн. 41]. Другие более нейтрально отнесли их к описанию походов северокавказских воинов в Закавказье [Ковалевская 1984: 158–159; 2005: 171–172]. Но у Мовсеса Хоренаци, описывающего столкновение между Ираном и Арменией, данные знамена, представлявшие собой изображения драконов на шелковых полотнах, отнесены к знаменам пехоты из гарнизонов городов [История Армении... 1858: 193–194], которые не имеют никакого отношения ни к аланам, ни к Северному Кавказу.

Исследователи, исходя из образцов скульптурных памятников, полагают, что зооморфные изображения голов штандартов напоминают собачьи. Известно, что пес-волк выступал покровителем воинских сообществ [Васильков 2009: 47–60; 2012: 57–62], будучи, например, связан со скифскими воинскими культами. Такое положение сохранялось и в сарматский период. Среди материалов, использовавшихся исследователями, объективно привлекались и данные фольклорно-этнографического наследия осетин [Иванчик 1988: 38–47; 1993: 41–52; 2005: 169–189; Ivančik 1993: 305–329; Ustinova 2002: 104–119; Гуцалов 2005: 437–446; Нефёдкина 2004: 140; Арриан. 2010: 134; Негин 2010: 176–177; Вдовченков 2013: 188, 195–197; Бондаренко 2014: 153–160].

Возможно, с таких позиций следует дополнительно обратить внимание на одно сказание осетинского Нартовского эпоса, хотя позднее время его записи вызывает к себе настороженное отношение. В данном сказании Wærxæg, обычно предстающий в роли родоначальника нартов, отправляется ими на охрану яблони. Причем, нарты угрожают ему тем, что, в случае плохого исполнения охраны, сдерут с него кожу и сделают из нее подушку для сидения старшего на пухас'е [Нарты кадджытæ 2012: 22, 23]. Исследователи единогласно возводят само имя Wærxæg к *wærh — «волк». Его название было табуировано, но сохранилось в охотничьем языке осетин для обозначения волка, и, возможно, в wærgæftyd, wærgæftyd — «внезапное нападение» [Абаев 1989: 93]. В свою очередь, культ волка считают одним из характерных признаков мужских союзов, которые могли существовать у скифов и сарматов [Гуцалов 2005]. Таким образом, приведенный сюжет можно толковать как отголосок помещения шкуры волка на месте старшего на пухас'е как символа воинского мужского союза.

Исследователи, непосредственно изучавшие проблему воинских союзов «скифского мира», также обращали внимания на драконообразные знамена [Гуцалов 2005: 441]. Полагают вытеснение со временем образа кошачьего хищника образом волка как символом власти, воинской доблести, воинского отряда в скифской культуре, что некоторыми исследователями объясняется воздействием со стороны сарматов [Бондаренко 2014: 155–157].

Если принимать такое решение, то, возможно, следует дополнительно обратить внимание на скипетры из воинских сармато-аланских погребений. Они представляли собой вырезанные на дереве композиции, покрытые золотой фольгой, прямоугольной вытянутой формы, что указывает на их оригинальное изготовление. На них изображались хищники или фантастические существа, в том числе в сценах терзания. Такие скипетры служили символом власти военного предводителя. Причем, материалы погребений проявляют явные связи с центральноазиатским регионом, что может рассматриваться в контексте истории прихода на запад алан.

В то же время, например, для изображения на скипетре из погребения № 19, кург. № 1 ОПХ «Рассвет» учеными полагается проявление кельтского влияния. Навершия от подобных скипетров, увенчанные головками «драконов», известны по готским материалам. Но их изображения отличаются стилистически. Такие скипетры у сармато-алан служили символом власти военного предводителя [Туаллагов 2007: 199–209; 2011: 62]. Особое внимание может привлечь обкладка скипетра из погребения № 2, кургана № 1 могильника Октябрьский V (илл. 58), на которой изображены волкообразные хищники.

Илл. 58

По мнению исследователей, образы дракона и волка могли быть связаны с тотемической мифологией, как символы верховной власти, символа происхождения правителя, силы обладания и победы. С ними и было связано появление драконовых знамен в Китае, а волчьих — в кочевой империи хуннов. Именно на границе этих миров (предлагался и более конкретный ареал [Яценко 1993: 61; Савинов 2017: 131–132; 2020: 145]) произошла контаминация образов, выразившаяся в создании синкретического образа с головой волка и телом змея. Отсюда такие драконообразные знамена распространились на запад по Великому шелковому пути, условно во II–V вв., и предположительно в среде родственных племен путем передачи этого символа воинской власти в элитной субкультуре сарматов/алан. Если на Востоке волчьи знамена сохраняются, то на Западе они с конца III в. теряют «волчьи» черты, превращаясь в чисто драконовые [Савинов 2017: 128–132; 2020: 140–147]. Были приведены и другие интересные наблюдения в отношении таких знамен [Mysykkaty 2019: 289–371], которые, видимо, не стоит воспринимать как категоричное противопоставление образов дракона и волка.

Соответствующее развитие событий, особенно в части связи с идеей верховной власти и аланами, представляется наиболее вероятной. Следует напомнить и о кангюйских образах крылатых волков Жалтыракташа, один из которых имеет подобные знамени крылья. Что касается происходивших изменений в образе драконообразных знамен на Западе, то логично полагать, что они могли бы быть обусловлены представлениями в аланской среде по китайскому первоисточнику и/или уже контаминацией с некими европейскими представлениями.

Илл. 59

С драконообразными знаменами алан сопоставляли [Кузнецов 1984: 230; 1992: 258], называли продуктом тесных культурных контактов или прямым заимствованием [Уарзиати 1987: 130–131; 2018: 222; 2018a: 388; Гаглойти 2010: 339; Дзаттиаты 2012: 121–124; Хатуев 1999: 64; Кочиев 2020: 45; Мысыккаты 2021: 52–55] знамя (илл. 59) Верхней Сванетии или общего знамени Тushетии, Сванетии и Пшавии — лем [Уварова

1904: 289; Михаил Николаевич Вадбольский... 2014: 38, 127, 128, рис. 4, 146, рис. 30].

Вместе с тем, исследователи справедливо указывали, что, по верованиям и преданиям сванов, знамя изображало волка, а называлось львом — «лем», поскольку волк силен и победоносен как лев. Верования сванов позволяли связать знамя с тотемным животным, за чем стояли и представления о связи животного с божествами и многими культово-мифическими изображениями волка/собаки и особых фантастических животных на кавказских древностях, отражавшими особый культ «воинства». В конечном итоге, прототипом такого знамени у самих сванов был ритуальный шест с укрепленной на его вершине волчьей шкурой, что уводит в местные тотемические верования и практики [Бардавелидзе 2006: 48–58; Иванов 2009: 113; Самашев 1992: 207, сн. 19; Техов 1977: 154–155; Карпов 1996: 153–163]. Для названия «лем» возможна и контаминация с известным у многих народов определением знамени через заимствование арабского, арабо-персидского *'alam* (*'lm*) — «знак, знамя» [Уарзиати 1987: 126].

При этом, об истоках появления знамени у сванов фиксировались противоречивые представления о том, что оно было впервые изготовлено богиней Ламариа, изготовлено царицей Тамар, было отнято у напавших на сванов «татар». Исходя из приведенных данных, следует полагать, что знамя имело свои оригинальные истоки в виде шеста с волчьей шкурой, в пользу древности которого может говорить упоминание образа Ламариа. Но его преобразование в тканое знамя, надувавшееся при ветре и обретавшее форму чудовища, могло свидетельствовать о контаминации с образцами знамен других народов. В условиях Кавказа такая контаминация не обязательно могла быть связана с аланами, а под «татарами» вполне могли скрываться представители тюркоязычного мира, у которых, как и у алан, представлены волчьеголовые знамена.

Было также замечено, что в средние века одним из эпитетов знатной армянской фамилии Мамиконянов было *alanadrawšk^c*. Его давно предлагали переводить как «аланское знамя несущий» [Marquart 1905: 82; Harmatta 1970: 82]. Однако данное решение встретило возражение с указанием на иное значение — «владеющие знаменем сражения, боевым знаменем» [Периханян 1965: 113, сн. 12], что, кстати, опровергает привлечение и данных сведений к натянутым, в целом, попыткам [Аликберов, Мудрак 2022: 193] возводить этноним «алан» к кавказским истокам.

Осетинская этнография не зафиксировала использования драконообразного знамени. Но, по заключению исследователей, его дериватом могут служить фарны хьил — «шест фарна», украшавшийся разноцветными лентами, а также гьолон ләдзәг — «пестрая палка». Исследователи отме-

чали и «пестрые», «разноцветные» образы правителей у осетин и казахов, объединивших свои народы в единое целое и выступавших под «пестрыми» знаменами и персонифицирующими единение всех социальных слоев общества [Туаллагов 2000: 161–162; 2011: 27–29, 47–51, 59–60]. Полагают, что традиция разных народов подвешивания разноцветных лент в святых местах, на деревьях восходит к традиции подвешивания шкур животных. Такие ленты считают прообразом современного флага, в том числе, государственного символа социального единения и интегрирующей идеи [Сыртыпова 2009: 75–76].

Ученые отмечают, что одной из древних форм штандартов были образцы без полотнищ, но с наверхшиями в форме животных (зооморфные) [Окладников 1951: 148]. Другим видом были полотнища, сделанные из шкур животных. Впоследствии на полотнищах стали изображаться сами эти животные. Данные зооморфные образы служили символами единства народа, их тотемами. В них видели воплощения божеств, которые покровительствовали этим народам. С таких позиций следует обратить внимание и на некоторые другие материалы.

В XVI в. в Западной Европе наблюдается резкий подъем внимания эрудитов к проблемам геральдики. К тому времени были утеряны и забыты истинные причины появления тех или иных гербов, что порождало своеобразное мифотворчество. Тогда появляются и утверждения различных авторов, о том, что во время вторжения в Испанию в 409 г. (или без указания на данные события) аланы, бургунды и свевы избрали своим военным символом кошку [Germaniae exegeseos... M. D. XVIII: CXVII; Historia de gentibus septentrionalibus... M. D. LXII: 26]. Данные утверждения перешли во многие работы и словари по геральдике [Scriptores Rerum Lusaticarum... 1719: 172; Theodori Hoepingi... M. DC. XLII: 164, 880; D. Philippi Jacobi... MDCC XVII: 253; Nouvelle méthode raisonnée... M. DCC. LXXX: 2; A New Dictionary of Heraldry... M DCC XXV: 70]. В изданиях труда Клода Парадина [Devises Heroïques... M. D. LVII: 62] были даже приведены такие изображения кошки (илл. 60), явно созданные не по оригиналу, а придуманные для иллюстрации самих изданий. Насколько можно судить, сведения, в

Илл. 60

конечном итоге, восходят к единственному источнику — труду некоего Мефодия. Сам труд и личность его автора до сих пор не идентифицированы.

В целом, приведенные заявления не имеют фактического подтверждения и вызывают к себе крайне скептическое отношение [Туаллагов 2021]. Они же, надо полагать, служили своеобразным основанием и для некоторых других трактовок. Марко де ла Фрата и Монтальбано называл символом алан, вторгнувшихся в Испанию, куницу (*marta*) [*Discorsi de principii della nobilta...* M D LI: 33]. Юниус Адриан (Адриан де Йонги) в своем посмертном труде 1588 г., со ссылкой на Юлия Скалигера (1484–1558 гг.), отмечал, что аланы на скифском языке означает «собаки», почему на их знаменах и инсигниях изображалась собака [Hadriani Iunii... СЮ Ю LXXXVIII: 385].

Сообщение сопоставимо с более поздним утверждением Якоба Рейтенфельса в его труде, опубликованном в 1680 г. Без указания на источник информации автор сообщал, что в период появления гуннов в Восточной Европе царь готов Винитарий прозывался скифами Алан, т. е. собакой [Якоб Рейтенфельс 1905: 37]. Кроме того, автор отмечает: «Аланы, т. е. бродячие» [Якоб Рейтенфельс 1905: 21].

Автор явно сам себе противоречит. Определение алан как «бродячих» производилось и другими исследователями [Миллер 1773: 15] за счет «греческого глагола, значащего странствовать или кочевать» (ἀλαίνω — А. Т.), что, конечно, не имело никакого реального основания. В таком случае значение «собака» теряет возможность к своему обоснованию. Ничем не мотивированным предстает и прозвание Винитария Аланом. Причем, остается только гадать, кем мог бы быть Винитарий — Амал Винитарий у Иордана или Витимир у Аммиана Марцеллина? Никаких прозвищ данные исторические личности, насколько известно, не имели.

В целом, сведения не имеют своего лингвистического подтверждения, чем уже опровергают сами себя. Надо полагать, что мы имеем дело с авторскими трактовками за счет известных значений латинского *feles*(*felis*)/*faeles* — «кошка, куница, хорек», что нередко ассоциировалось с *felix* — «счастливый», связанное с плодородием (вспомним образ Элурус — А. Т.). Заменяемость в хозяйстве древней Греции кошки на ласку (семейство кунных — А. Т.) приводило и к переносу на ласку названия кошки — αἴλουρος [Синица 2021: 79].

Для значения «собака» можно бы было отметить латинские *catta*, *cattus* — кошка, кот, которое появилось позднее в Римской империи, видимо, из Африки, и легло в основание названия животного у многих европейских народов, *catula* — собачка, *catulus* — котенок, щенок. Но во втором случае, скорее, мы имеем дело с ложноэтимологическим осмыслением на-

звания породы собак, впервые фиксируемым для 1247 г., через гипотетическую связь с названием алан, которые уже много веков назад сошли с исторической арены Западной Европы.

За это время никаких «аланских собак» там не фиксировали, как не фиксировался и факт привода какой-либо особой породы или вообще собаки аланами, что также препятствует принятию «сведений» источника. Современное утверждение, что аланские собаки связаны с аланскими поселениями в Испании V в. [Ковалевская 1992: 72; Сланов 2007: 173; Нефёдкин 2011: 216; Кузнецов 2019: 36–37], восходит через посредника [Bachrach 1973: 118–119] к давним слабо аргументированным и некритично воспринимаемым утверждениям [Jesse 1866: 80–84, 116–118]. Показательно, что дальнейшие самостоятельные исследования этого вопроса [Сланов 2007: 172–177; Нефёдкин 2011: 217–220] не дают никаких положительных результатов.

Как полагают другие специалисты, известное название восходит к среднегреческому *ἄλανι* — «хищный», которое и лежит в основе определения «свирепая собака», например, испанское *alano* [Moutsos 1995: 24–32]. Здесь показательно, что этимологическое «решение», несколько не связанное с реальной историей, прямо ведет к «однозначным» утверждениям о помещении аланами изображений собак на своих знаменах и инсигниях. Впрочем, и до сегодняшнего дня некоторые исследователи и авторы говорят об «аланской» породе собак.

Отмечались и этимологические предложения на основании гот. *alan* — «расти» или англо-сак. *alan* — «расти», причастия настоящего времени французского глагола *aller* — «идти». Было замечено, что с чисто лингвистической точки зрения аланская интерпретация представляется более убедительной, но задача осложняется поздним появлением термина в источниках, отсутствием верификации проблемы самой породы, степени ее близости к современной породе под таким обозначением, самой истории породы [Лебединский 2016: 169–170].

О том, как ложноэтимологическое осмысление названия собак через его привязку с названием исторических алан может вести даже к созданию собственной иллюстрации, свидетельствует, например, карта 1587 г. итальянского географа и картографа Урбано Монте. На ней на крайнем севере Западной Сибири представлены некие *Alani Tartari* и изображена собака *cani alani* (илл. 61).

Их соседство указывает и на авторское признание прямой связи между ними. Вполне понятно, что никаких алан во времена Урбано Монте там не было. Вообще, аланы никогда и не жили на тех северных территориях. Но картограф Урбано Монте обязан был быть хорошо знаком с древними

Илл. 61

трудами своих предшественников. Например, крайняя северная локализация, у самого полярного круга, алан-скифов и аланорсов (Ἀλανοὶ Σκύθαι, Ἀλανορσοί) в Азии представлена у такого авторитетного для средневековья автора как Птолемей [Алемань 2003: 150–151], что находит параллели и в других источниках [Туаллагов 2014: 103–109]. Обращение именно к давним сведениям Птолемея прослеживается в названии уходящей на восток горной гряды, изображенной непосредственно под изображением собаки, — *scifia dentro del monte smao*, т. е. *Scythia intra Imaum Montem* («Скифия внутри горы Имаон») Птолемея, к северу от которой и помещались им аланы-скифы и аланорсы.

Нетрудно заметить, что Ἀλανοὶ Σκύθαι являются источником для *Alani Tartari*. Отсюда авторское изображение *cani alani*, что не удивляет и на фоне изображений кошки как символа алан. Интересно, что у того же Птолемея в Европе представлены Ἀλαῦνοι Σκύθαι и Ἀλαῦνον ὄρος [Алемань 2003: 149–150], искаженная форма которых, видимо, появилась за счет влияния формы названия кельтских Ἀλαῦνοι. Забавно, но она «подходит» для другого названия «аланских собак» — *alaunt*, которую порой соответствующе и интерпретируют. Возвращаясь к позднему утверждению Якоба Рейтенфельса, мы можем предполагать, что возникшая ассоциативная связь названия европейской породы собак с названием алан породила выдумку о «скифском» слове «алан» в значении «собака», а само утверждение автора

было продиктовано знакомством с прошлыми заявлениями других европейских интеллектуалов. Возможно, в работе Я. Рейтенфельса были просто механически использованы различные греческие этимологии для алан как «бродячие» (сравни полагаемое возведение к причастию настоящего времени от фран. *aller* — «идти» [Meyer-Lübke 1911: 20–21] — А. Т.) и «собака».

В трудах христианских авторов падение Рима рассматривалось через призму библейских сведений об Апокалипсисе, в которых представлены сатанинские зооморфные образы. Их авторы ассоциировали с варварскими народами, разрушившими Рим. В таком ключе Диего де Сааверда Фахардо назвал символом правителя алан крылатую львицу [Corona Gothica... M. D. CC. VIII: 249].

С указанными сведениями перекликается и заявление Бернарду де Бриту [Segunda parte, da Monarchia Lusytana 1609: 149], что на гербе португальского г. Коимбра, якобы построенного по приказу Аддака, возглавлявшего вторжение алан в Испанию и получившего в 411 г. в свое управление Лузитанию, был изображен его символ — лев [Туаллагов 2021]. Несколько отвлекаясь от темы, заметим, что «аланские мотивы» для Португалии весьма примечательны. Уже давно португальские историки, что порой воспроизводится и сегодня, выводили, например, название португальского города Alenquer из Alankerkana, якобы означавшего «церковь алан» [Потанин 1883: 902]. Безосновательность такой этимологии очевидна.

Исследователи полагают, что сведения Бернарду де Бриту не могут восходить к сведениям Мефодия, поскольку, в отличие от них, правителю свевов приписывается символ в виде дракона, а герб Коимбры со львом уже был известен и ранее. Показательно, что отрицается возможность выдумки со стороны Бернарду де Бриту [Мысыккаты 2021: 63–64]. Сразу укажем, что нами уже отмечалось, что первое, т. е. самое раннее, изображение герба Коимбры вообще не содержало зооморфных образов, а следующий за ним вариант содержит только изображение змеи [Armas, Bandeira e Brasão de Coimbra]. Изображение льва появляется не ранее конца XIV в. (рис. 62).

Илл. 62

Само объяснение семантики явно поздно появившихся образов льва и дракона герба не ограничивалось изложением Бернарду де Бриту, имея и несколько альтернативных вариантов, в которых нет места аланскому началу [Armas, Bandeira e Brasão de Coimbra; Туаллагов 2021: 92–93; 2024: 86–89], что указывает на отсутствие какой-либо связи с историей алан, ни в живой памяти местной традиции, ни в официальных церковных или государственных кругах, способных опираться на письменную традицию. Они же указывают на то, что проблема интерпретации городской символики была тогда актуальна, что совпадает и со временем возросшего общего интереса западноевропейских эрудитов к вопросам геральдики. Такое положение требовало реакции Бернарду де Бриту, создававшего свой патриотический труд. Ко времени Бернарду де Бриту сведения Мефодия уже были озвучены в трудах других интеллектуалов, а наличие на гербе двух зооморфных символов требовало их отнесения к разным источникам.

Что касается источника сведений Бернарду де Бриту, то не все в данной проблеме так просто. Несомненно, в его труде Атак — правитель алан Аддак, в пользу чего говорят и постоянные указания источника на труды Гидация и Исидора. Само появление алан в Лузитании связано с их вторжением вместе с вандалами и свевами в Испанию в 409 г. Но ни один из ближайших к событиям источников не называет того аланского правителя, который возглавлял бы вторжение своих соотечественников, но называют предводителя свевов Герменериха, который и фигурирует у Бернарду де Бриту. Причем, он утверждает, что царь алан Атак принял царскую власть после смерти Респандиана, т. е. исторического Респендиала, якобы первым воцарившимся в Лузитании, что не имеет поддержки в других известных источниках. Респендиал упоминался только в «Истории франков» епископа Григория Турского (~540–594 гг.), сохранившего сведения из утраченного труда Рената Профутура Фригериды (V в.). В источнике Респендиал действует совместно с вандалами при вторжении в 406 г. через Рейн.

Однако соответствующие «сведения» отмечены, например, в «Истории Испании», к созданию которой приступили в 1270 г. по приказу правителя Кастилии и Леона Альфонсо X Мудрого (1252–1284 гг.). В ней представлена и общая картина аланской истории в Испании [Альфонсо X Мудрый... 2021: 93–100, 105, 149]. Сведения о двух аланских правителях в Испании Бернарду де Бриту явно следуют за «Историей Испании», напоминая далее о поздней компиляции XII в. (мадридская рукопись F 86), так называемой Цезаравгустанской хроники (Цезаравгуста — совр. Сарагоса), сообщавшей о двух царях из алан в Испании. В целом, рассказ в начале и идет в русле «Истории Испании».

Но далее появляются неизвестные ранее новшества. Атаку приписывается исповедание арианства, плохое отношение к католикам, когда сами аланы предстают идолопоклонниками и лишь частью арианами. Атак разрушил г. Конимбрика, захватив его у свевов, которым затем нанес тяжелое поражение. Рядом он построил г. Коимбра (совр. Португалия). Заключив мир со свевами, он женился на Синдасунде, дочери их правителя Гермерика, в знак чего вывесил флаг с изображением льва и дракона, символизирующих его самого и отца невесты. При этом Бернарду де Бриту приводит некие письма, хранившиеся в монастыре Алкобаса, в которых упоминается царь алан Атак. Среди них, например, письмо «епископа Арисберта» как очевидца событий [Segunda parte, da Monarchia Lusytana. 1609: 145–151], что, видимо, по задумке автора, должно придать его повествованию оригинальное свидетельство.

Другой позднесредневековый португальский автор Бернарду де Брага (1604–1662 гг.), перечисляя источники, сообщавшие о вторжении алан на Пиренеи, также указывал, что Респендиал (у него — Рапантиан, Респламдиан), был аланом и отобрал у римлян Лузитанию, став здесь первым царем, что автор сопоставлял с данными «Истории Испании». Впоследствии он был убит своим же народом, а ему наследовал в царствовании Атак. Бернарду де Брага также пересказывает соответствующую историю о происхождении флага (герба) с изображениями красного льва и зеленого дракона, которые ранее были на флагах Атака и Гермерика. При этом автор сносится на рукопись некоего епископа Альдебера из монастырей Алкобаса и Каркере на р. Дэуро. Эту рукопись, дескать, передал сам Бернарду де Бриту, уже издавший свою историю Лузитании, в которой описал историю Атака. Причем, дополнительно указывается, что епископ Альдебер брал информацию из другого источника, а еще из древней книги, в которой есть гербы всех царей и князей мира, хранящейся в том же монастыре Алкобаса [Tratado Sobre... 1843: 9–14]. Итак, источник указан.

У Бернарду де Бриту и Бернарду де Брага речь идет об аббатстве Санта-Мария-де-Алкобаса, основанном в 1152 г. и находившимся под покровительством королевского двора и служившим центром ответвления бенедиктинского ордена — цистерцианского монашеского ордена, возникшего в начале XII в. Постепенно аббатство стало культурным центром страны, где собирались древние рукописи, преимущественно греческие, первых веков христианства, и где и трудился Бернарду де Бриту. Таким образом, источник оказывается определен некой рукописью «епископа Альдебера», которая имела «источником»... самого Бернарду де Бриту и сегодня ничем не подтверждается.

Как справедливо отмечали исследователи, «Бернарду де Бриту не только широко использовал в своем труде легенды, но зачастую ссылаясь

на вымышленные им самим средневековые хроники». В условиях потери Португалией своей независимости в условиях испано-португальской унии, отмеченной экономическим кризисом, «... обращение к прошлому и его героизация оказались вполне закономерными». Бернарду де Бриту представлял то патриотическое направление, которое старалось «... в первую очередь прославлять всеми возможными способами происхождение своей нации и государства» [Ковалев 2015: 44]. Патриотический порыв Бернарду де Бриту, лежащий в основе создания его труда, отличали сознательная выдумка источников, фальсификация документов [Сарайва 2007: 202–203].

Поэтому допустимо полагать, особенно в условиях отсутствия указываемых Бернарду де Брига документов, что источником португальского патриота Бернарду де Бриту в интересующем нас вопросе являлся сам Бернарду де Бриту, создавший легендарное повествование, используя некоторые действительные исторические факты, которые преобразовывались и дополнялись им за счет выдуманных источников, приспосабливаясь к португальской составляющей, в которой и кошку можно было сделать львом. Сведения носят явно легендарный характер и не могут безоговорочно служить основой исторического исследования. Сами гербы появляются гораздо позже жизни Аддака, а соответствующие рукописи монастыря остаются неизвестными. Упоминание книги с гербами также указывает на поздний характер сведений, который наряду с хронологией создания аббатства определяет и поздний характер «рукописи епископа Альдебера», чье существование еще и ничем не подтверждается. Кстати, к тому времени вышел и соответствующий труд Клода Парадина с авторским рисунком герба алан в виде кошки.

Видимо, период потери Португалией независимости во время создания указанных трудов привел к особому старанию патриотических сил представить древность государственности и царской власти в регионе, включая гербовые символы, учитывая, что Коимбра некогда была столицей Португалии. К тому времени в Западной Европе эрудиты стали уделять особое внимание геральдике, когда истинные причины появления тех или иных гербов были утеряны и забыты, что само по себе порождало своеобразное мифотворчество.

Необходимо уточниться и с утверждением, что источники ничего не знали о символе алан, вторгнувшихся на Пиренеи. Источники говорят о вторжении алан в Испанию, что является единым историческим действием и для появления алан в тогдашней Лузитании, соответственно, в районе Коимбры (совр. Португалия). Поэтому утверждения источников о символе алан кошке связаны с их вторжением. Следует уточниться и с утверждением о незнакомстве Бернарду де Бриту с данной информацией от некоего Мефодия.

Например, Бернарду де Бриту нередко отсылает к труду Иоанна Магнуса Гота (1488–1544 гг.), включая и страницы, затрагивающие появление алан вместе с вандалами, свевами и бургундами в Галлии, их происхождения с далекой северной Скандинавии [Segunda parte, da Monarchia Lusytana 1609: 135, 140]. Знает он и об Олафе Магнусе (Олаус Стуре) Готе, который был родным братом Иоанна Магнуса Гота [Segunda parte, da Monarchia Lusytana 1609: 141] и издателем его труда. Собственно, само название труда Иоанна Магнуса Гота на то и указывает. Через восемь лет Олаф Магнус Гот издаст и собственный труд, в котором свое место займет и соответствующая линия северного происхождения готских народов, включая относимых к ним алан. О таком происхождении готов, с отсылкой к работе Олафа Магнуса Гота, анонсировалось в труде его брата — Иоанна Магнуса Гота [Historia Ioannis Magni Gothi... M. D. LIII: 10–11].

Явно, в том числе, по мотивам исследований своего брата, Иоанн Магнус Гот включал готов в число скифских народов, используя библейский образ Магога, но в отношении происхождения алан он еще сомневался. Одновременно он допускал возможность их прежнего обитания далеко на северных островах, между Скандией и Финляндией, приводя примеры причисления алан Прокопием Кесарийским к готам, а Иосифом Флавием — к скифам [Historia Ioannis Magni Gothi... M. D. LIII: 22, 498–499].

Отмеченное Бернарду де Бриту происхождение алан в связи с историей северных народов, выходцев из Скандинавии, является именно известной трактовкой происхождения германских народов, в том числе, за счет переноса на дальний север библейских сведений о Гоге и Магоге. Эта концепция была представлена в рамках так называемого готицизма (нордизма), распространившись в европейской историографии к концу XVI в. Она же представлена у Франциска Иреникуса [Germaniae exegeseos... M. D. XVIII: XVIII, XIX], повествовавшего о кошке, как военном символе народов, вторгнувшихся в Испанию, чье сообщение использовал вне контекста Испании Олаф Магнус Гот. Приведенные наблюдения вызывают большие сомнения, что такой пытливый источниковед и историограф как Бернарду де Бриту не ознакомился хотя бы с трудом Олафа Магнуса Гота, на которого он прямо указывает в своих построениях вместе с его братом Иоанном, отводя столь важное значение аланам и свевам в истории самого формирования царской власти в Лузитании. Умолчание же об этом может оказаться весьма красноречивым в сравнении с другими, в том числе, приведенными выше данными. Прямое же упоминание Олафа Магнуса Гота говорит в пользу знакомства Бернарду де Бриту с его трудом, где представлен зооморфный символ алан.

Единственно известным символом для алан в Западной Европе остается инсигния начала V в. Comites Alani (отряд конницы при ставке

Илл. 63

Илл. 64

императора) в Италии. Но она (илл. 63), в отличие от некоторых подобных у других национальных подразделений, включая германские с изображением льва, не содержит зооморфного образа [Notitia Dignitatum... MDCCCLXXVI: 128. № VI, 8; Notitia Dignitatum... 1839–1853: 29. № I, g], будучи сопоставима с символом Equites constantes Valentinianenses seniores.

На карте 1735 г. грузинского царевича Вахушти Багратиони среди различных владельческих символов представлена и «Овсэ-тиса» — «(Знамя-герб/-знак) Осетии». На полотнище розового цвета на фоне гор изображен кошачий хищник, обычно идентифи-

цируемый с переднеазиатским леопардом (илл. 64).

Реальность существования когда-либо такого знамени и символа [Уарзиати 1987: 115], напоминающего тип римского vexillum, о чем говорилось выше, ничем более не подтверждается, а образ кошачьего хищника в контексте алано-осетинской традиции сложно безоговорочно признать подходящим для государственного символа средневекового государства [Туаллагов 2021].

Следует заметить, что, например, в фальшивом «письме» от 22 апреля 1459 г. Давида II Великого Комнина, правителя Трапезунда (1458–1461 гг.), к Филиппу III Доброму, правителю Бургундии (1419–1467 гг.), составленному Лудовико да Болонья, непосредственно посещавшего Картли, отмечалось, что под знаменами «царя Персии», т. е. правителя Картли и Имеретии Георгия VIII (1446–1466 гг.), готовы выступить народы гитов и аранов/аронов — natio Githorum et Aranorum (Cæsaris ... M DCCC LXXX: 201), natio Githorum & Aronorum (Epistolarum Turcicarum... M. D. XCVIII: 191–192), во вторых из которых предлагалось усматривать алан. В тексте письма указаны vexillum, что полагает практику использования подобного типа знамен в закавказском царстве. Поэ-

тому сам vexillum «Овсэтиса» представляется собственно картлийским, а не аланским образцом.

Вполне вероятно, что выдумка «Овсэтиса» Вахушти Багратиони была подсказана идеей династического родства средневековых Армении, Картли и Алании, для последней из которых она носила фиктивный характер. К самому образу царевич мог прийти через знание о символах Армении в западноевропейской геральдике, которая давала соответствующий пример и для Картли [Туаллагов 2022]. Мы можем иметь дело и с курьезным совпадением неких патриотических выдумок, приведших к объяснению семантики герба Коимбры в лице Бернарду де Бриту и созданию «Овсэтиса» Вахушти Багратиони, имевших разные источники, но теперь создавших соблазнительное, но фиктивное единство «кошка-леопард».

Нам известны и гербы арагвских и ксанских эриставов, которые считались осетинами по происхождению. Они также содержат зооморфные изображения [Туаллагов 2021: 108–109]. Однако у нас нет надежных оснований и доказательств, что они являются дериватами геральдических символов прежней аланской аристократии. Известны, например, варианты символа египетского мамлюка аланского происхождения Saif ad-din ben Abdallāh Bahādur Āṣ, действовавшего в правление султана ал-Мансура Калауна. Он был эмиром Дамаска, в 1311/1312 гг. — правителем провинции Сафад в Сирии. В 1315 г. возглавлял правое крыло сирийской армии. Умер 12 декабря 1329 г. [Mayer MCMXXXIII: 6, 13, п. 4, 25, 93–94]. Символы не содержат зооморфных изображений и являются продуктом местной культуры. То же наблюдение, видимо, следует отнести к символу некоего Āllān al-Mu'izzi [Mayer MCMXXXIII: 59].

Наконец, в славянских источниках XII–XIII вв. — «Части языком» и «Разумник-указ» — утверждается, что символом алан-ясов был олень [Шафарик 1848: прил., 111–113, № XXVI; Памятники отреченной... 1863: 441; Тъпкова-Заимова, Милтенова 1999: 103, 293, 303, 305; Tărkova-Zaimova, Miltenova 2011: 129, 526, 530, 540, 543]. Поэтому полагали, что подобные зооморфные символы могли служить символами богов на знаменах [Шафарик 1848: прил., 113], своего рода национальной эмблемой (герб) народа [Vernadsky 1944: 82]. В одной из копий символом ясов названа веверица [Tărkova-Zaimova, Miltenova 2011: 538] — пушной зверек (ласка, горноста́й, белка), которая, в действительности, символизирует зихов — представителей древнего адыгского мира, с которыми в копии ошибочно и меняются местами ясы. Данная путаница перешла в древнерусский сборник поучительных статей XVI в. «Измарагд» [Памятники отреченной... 1863: 448]. В некоторых копиях ясы поставлены на место германских алеманов,

что также сказывается на путанице зооморфных образов — зубр, или на место славянских чехов — белка.

Штандарт с изображением лани с золотыми рогами в поэме Валерия Флакка «Аргонавтика» приписывается акесинам [Valerius Flaccus... 2000: 44], что рассматривается с позиции сведений о сарматских значках [Нефёдкин 2004: 140]. Река Акесин, т. е. Танаис (Дон), действительно, позволяет помещать одноименный ей народ у Азовского моря [Пьянков 1997: 32, 56, 187–188, 236, 254, 265], но оставляет открытым вопрос о действительном существовании такого народа. Само название реки считалось еще скифским, что трудно соотнести с собственно сарматами, чего нет и в самой поэме. Сообщение о лани вписано в контекст греческих легенд [Valerius Flaccus... 2000: 46–47, п. 69–73], что вызывает дополнительные сложности в вопросе отражения в поэме реального факта.

Однако в рукописях известного знатока и собирателя осетинского фольклорно-этнографического материала М. К. Гарданти, хранящихся в Научном архиве СОИГСИ, указывается, что боевое знамя осетинских нартов представляло собой трехконечное (на авторском схематичном рисунке окончания острые — А. Т.) разноцветное полотнище с изображением оленя, между лопатками которого помещена пятиконечная звезда. Данное знамя обозначено им как гъолон гъæдæ — «пестрое дерево» [Гарданти 1959: 3, 9, 10].

Но М. К. Гарданти, как уже приходилось отмечать [Туаллагов 2023: 146], вел речь о сказаниях, в которых Сатана шьет «штаны» с тремя штанинами, чтобы спровоцировать Сырдона посчитать войско. Современные исследователи также пытались трактовать «штаны» как знамя, якобы олицетворяющее трифункциональное единство, объявляя его общевойсковым знаменем военачальника, якобы представленном в фольклоре и преданиях осетин. Однако трактовка осталась без приведения конкретных данных, а осетинская этнография не знает таких форм знамен. Умозрительна и попытка связать штаны — «xælaf» с арабским источником.

Нами указывалось на прямую параллель осетинскому эпическому материалу в «Истории Ирхана». В источнике рассказывается о хитрости с подобными штанами в Хадаре (современное с. Кадар в Буйнакском районе Дагестана), чтобы выведать от местной женщины, знавшейся с джинами, количество домов в Ирхане (современное аварское с. Ирганай Унцукульского района Дагестана). Также отмечалось, что образ подобных штанов встречается и в других осетинских фольклорных материалах, например, в сказаниях о Даредзанах. Поэтому следует полагать, что штаны с тремя штанинами в осетинском фольклоре являются... штанами. Совсем недавно на дагестанский источник вне осетинских эпических материалов было обращено внимание в связи с известными археологическими находками антропоморфных

Илл. 65

Илл. 66

Илл. 67

амулетов с подчеркнутыми фаллическими чертами V–VIII вв. Их связали... с торговцами-иудеями, исполнявшими и функции врачей [Ильюков 2024: 142–158].

В Нартовском эпосе упоминаются боевые знамена в сказании о войне Ахсартаггата и Бората [Нарты кадджытæ 2003: 233], но, к сожалению, без их конкретного описания [Яценко 2001: 369; Иванеско 2003: 39; Охонько 2021: 115–116]. Единственным дополнением можно считать указание на белый цвет одного из таких знамен [Нарты кадджытæ 2010: 576, 720]. Указание на еще один нартровский эпизод [Охонько 2021: 131] следует признать недоразумением.

Выше мы касались вопроса изображений *vexillum* на монетах римских императоров среди трофеев побежденных сарматов и упоминания *vexillum* у сарматов-лимигигантов Аммиана Марцеллина. В также упоминавшейся поэме «Аргонавтика» Валерия Флакка отмечаются следующие за своими знаками (*sua signa secuti*) экзоматы, торины и сатархеи [Valerius Flaccus... 2000: 71, 72, п. 143]. Мы могли бы допустить, что среди них подразумевались и народы «сарматского круга», выступающие под своими штандартами, но без возможности какой-либо конкретизации. Однако справедливо и замечание [Нефёдкин 2004: 137], что *sua signa secuti* могло являться результатом использования римского термина применительно к военному делу варваров.

Завершая исследование, следует, видимо, указать на известную реконструкцию облика аланского воина монгольского периода. В его руке представлено копьё со знаменем (илл. 65). Общая реконструкция облика воина основывается на археологических материалах [Горелик 2008: 136–140], в число которых знамя не входит. Его образ, надо полагать, взят из общих данных о монгольских знаменах, изображавшихся на иранских миниатюрах [Горелик 2002: 82] того периода. Таким образом, само изображение не может рассматриваться как один из видов оригинальных аланских знамен. То же касается и реконструкции облика аланского всадника (илл. 66) домонгольского периода и «венгерского алана» из Национального музея РСО-Алания (илл. 67).

СПИСОК ИЛЛЮСТРАЦИЙ

- Илл. 1–2.** Реконструкция знамен из кургана «Дачи» (Яценко 2001).
- Илл. 3.** Граффити в храме Байты III (Яценко 2017).
- Илл. 4.** Флаги из могильника Ноин-Улла (Руденко 1962).
- Илл. 5.** Насадка из Андреевского кургана (Воронятов 2012).
- Илл. 6.** Втулка копья из погребения у Аджимушкайских катакомб (Воронятов 2012).
- Илл. 7.** Навершие из кургана № 1 (Руденко 1962).
- Илл. 8.** Изображение на «оленном камне» из Хэрэксурин дэнж (Волков 2002).
- Илл. 9.** Изображение «святого воина» (Нагараджа) в Кирише (Esin 1972).
- Илл. 10–17.** Изображения в Синьцзяне (Grünwedel 1912).
- Илл. 18.** Изображение из Карачара (Борисенко, Худяков 2017).
- Илл. 19.** Изображение на костяных пластинах из Орлата (Пугаченкова Г. А. 1987).
- Илл. 20.** Монеты Азеза I и Азес II (Marciniak 2010).
- Илл. 21.** Монета Гондофара (Gazerani 2016).
- Илл. 22.** Изображение из Пянджикента (фото из открытых источников).
- Илл. 23.** Изображение из Пянджикента (фото из открытых источников).
- Илл. 24.** Петроглифы Ой-Джайляу (Советова, Мухарева 2005).
- Илл. 25.** «Сулекская писаница» (Советова, Мухарева 2005).
- Илл. 26–27.** Рельефы Кыфарской гробницы (Охонько 2021).
- Илл. 28.** Изображение на скалах у с. Капчагай (Марковин 1958).
- Илл. 29.** Изображение на западных отрогах Нарра-Тюбинского хребта (Марковин 1958).
- Илл. 30.** Знамя Хаджи-Мурата (Ясулов 1927).
- Илл. 31.** Рельеф раннесредневековой церкви у с. Ольгинское (Охонько 2021).
- Илл. 32.** Изображение на сосуде из Надь-Сент-Миклоша (фото из открытых источников).
- Илл. 33.** Изображения на костяных пластинах из 1 Шиловского могильника (Сташенков 2019).
- Илл. 34.** Свадебный осетинский флаг (Уарзиати 1987).
- Илл. 35–36.** Траурные осетинские флаги с картин М. С. Туганова.
- Илл. 37.** Траурный осетинский флаг (Уарзиати 1987).
- Илл. 38.** Находка в районе г. Остяко-Вогульска (фото из открытых источников).
- Илл. 39.** Росписи из оазиса Харга (Vermaat 1999).
- Илл. 40.** Оттиск печати из Старой Нисы (Массон, Пугаченкова 1954).
- Илл. 41.** Монета Вологеза IV (Les Monnaies des Rois Parthes 1877).
- Илл. 42.** Рельеф саркофага Портоначчи (Marciniak 2010).
- Илл. 43.** Рельеф саркофага Людовизи (Marciniak 2010).
- Илл. 44.** Бронзовая голова дракона из Нидербибера (Marciniak 2010).
- Илл. 45.** Рельеф арки Константина Великого (Marciniak 2010).

- Илл. 46–47.** Рельефы арки Траяна (фото из открытых источников).
- Илл. 48.** Римская монета (фото из открытых источников).
- Илл. 49.** Рельеф храма Адриана (фото из открытых источников).
- Илл. 50.** Рельефы колонны Марка Аврелия (Marciniak 2010).
- Илл. 51.** Монета Марка Аврелия (Mattingly 1940).
- Илл. 52.** Рельефы арки Галерия (фото из открытых источников).
- Илл. 53.** Монеты Марка Аврелия (Mattingly 1940; 1960; Marciniak 2010).
- Илл. 54.** Монета Коммода (фото из открытых источников).
- Илл. 55.** Рельеф из Честера (фото из открытых источников).
- Илл. 56.** Инсигнии в Notitia Dignitatum (Notitia Dignitatum... 1839–1853).
- Илл. 57.** Граффити склепа из Керчи (Рукавишников, Бейлин, Меньшиков 2019).
- Илл. 58.** Обложка скипетра из могильника Октябрьский V (фото из открытых источников).
- Илл. 59.** Сванский лем (Мысыккаты 2021).
- Илл. 60.** Изображения из изданий труда Клода Парадина.
- Илл. 61.** Фрагмент карты Урбано Монте (фото из открытых источников).
- Илл. 62.** Варианты гербов г. Коимбра (Armas, Bandeira e Brasão de Coimbra).
- Илл. 63.** Инсигния Comites Alani (Notitia Dignitatum... MDCCCLXXVI; 1839–1853).
- Илл. 64.** «Овсэтиса» (фото из открытых источников).
- Илл. 65.** Реконструкция облика аланского воина монгольского периода (Горелик 2008).
- Илл. 66.** Реконструкция облика аланского воина монгольского периода (<https://аланиянацмузей.рф/category/kollekcziya-alany/>).
- Илл. 67.** Реконструкция облика «венгерского алана» (<https://аланиянацмузей.рф/category/kollekcziya-alany/>).

ЛИТЕРАТУРА

- Абаев В. И. Историко-этимологический словарь осетинского языка. Л.: Издательство «Наука». Ленинградское отделение, 1989. Т. IV. 325 с.
- Абрамзон М. Г. Монеты как средство пропаганды официальной политики Римской империи. М.: ИА РАН, 1995. 656 с.
- Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М.: Менеджер, 2003. 608 с.
- Аликберов А. К., Мудрак О. А. Царские эпитеты в исторической ономастике Кавказа. Восток (Oriens). М., 2022. № 6. С. 191–200.
- Альфонсо X Мудрый и сотрудники. История Испании, которую составил благороднейший король дон Альфонсо, сын благородного короля дона Фернандо и королевы доньи Беатрис. Под общей редакцией О. В. Аутова (составитель, ответственный редактор), И. В. Ершовой, Н. А. Пастушковой. СПб.: Наука, 2021. Т. 2. 710 с.

Арриан. Тактическое искусство. Перевод, комментарии, вступительные статьи А. К. Нефёдкина. Серия «*Fontes scripti antiqui*». СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 286 с.

Арсеньева Ю. В. О геральдических знаменах в связи с вопросом о государственных цветах Древней России. СПб.: Сенатская типография, 1911. 41 с.

Ауанасова А. М., Аяган Б. Г., Нурпеисов Е. К. Основания и правовой статус государственных символов Казахстана: историко-правовой дискурс. Электронный научно-образовательный журнал «История». 2019. Т. 10. Вып. 1 (75) [сайт] URL: <http://history.jes.su/s207987840002558-2-1-ru>.

Бабенко В. А., Колесникова М. Е. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века: символы и смыслы изображений [Рец. на кн.: Охонько Н. А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации: монография. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2020. 224 с.] Гуманитарные и юридические исследования. 2022. Т. 9 (2). С. 351–354.

Банников А. В. Римская армия в IV столетии (от Константина до Феодосия). Серия «*Historia Militaris*». СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 264 с.

Банников А. В., Морозов М. А. Византийская армия (IV–XII вв.). СПб.: Евразия, 2013. 688 с.

Бардавелидзе В. В. Древнейшие религиозные верования и обрядовое графическое искусство грузинских племен. Тбилиси: The Centre for Cultural Relations of Georgia «Cacasian House», 2006. 234 с.+XXXII таб.

Бондаренко А. А. Культ воина-зверя у правящих сословий древних киммерийцев, скифов, сарматов. *Colloquium Neptaplomeris*. Научный альманах. Нижний Новгород, 2014. Вып. I. Язычество в XX–XXI веках: российский и европейский контекст. С. 153–162.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображения панцирных воинов на фресках Кызыла из Восточного Туркестана (по материалам исследований А. фон Ле Кока). Военное дело номадов Центральной Азии в сяньбийскую эпоху: сборник научных трудов. Новосибирск, 2005. С. 56–69.

Борисенко А. Ю., Худяков Ю. С. Изображения оружия и знамен тохарских воинов на фресках Карашара, Кызыла и Шорчука (по материалам Альберта фон Ле Кока). Вестник НГУ. Серия: История, филология. Новосибирск, 2017. Т. 16. № 7: Археология и этнография. С. 125–132.

Васильков Я. В. Между собакой и волком: По следам института воинских братств в индийских традициях. Азиатский бестиарий. Образы животных в традициях Южной, Юго-Западной и Центральной Азии. СПб., 2009. С. 47–62.

Васильков Я. В. «Мужи-тигры», «человекольвы» и «люди-вепри» в индийском эпосе, культуре и истории. Бестиарий II. Зооморфизмы Азии: движение во времени. СПб., 2012. С. 57–71.

Вдовченков Е. В. Проблема существования мужских союзов у сарматов. Ранние формы потестарных систем. СПб., 2013. С. 182–201.

Волков В. В. Оленные камни Монголии. М.: Научный мир, 2002. 248 с.

Воронятов С. В. Аджимушайскоу копье — боспорское знамя?. Семинар «Геральдика — вспомогательная историческая дисциплина». Заседание 18 января 2012 года в 15.00 в Зале Совета Государственного Эрмитажа. СПб., 2012. С. 3–11.

Воронятов С. В. Алано-сарматские мотивы в инвентаре «королевского» погребения позднеримского времени около Мушова в Южной Моравии. Золото, конь и человек: сборник статей к 60-летию Александра Владимировича Симоненко. Киев, 2012а. С. 417–431.

Воронятов С. В. О территории сражения готов со спалами в «Getica» Иордана. Война и военное дело в скифо-сарматском мире: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти А. И. Мелюковой (с. Кагальник, 26–29 апреля 2014 г.). Ростов-на-Дону, 2014. С. 57–72.

Воронятов С. В., Мачинский Д. А. О времени, обстоятельствах и смысле появления сарматских тамг на германских копьях. *Germania-Sarmatia II*: сборник научных статей по археологии народов Центральной и Восточной Европы, посвященный памяти М. Б. Щукина. Калининград–Курск, 2010. С. 57–77.

Гаглойти Ю. С. О национальных символах осетинского народа. Гаглойти Ю. С. Избранные труды. Цхинвал, 2010. Т. I. С. 336–341.

Гарданты М. К. Разные исторические справки на основе преданий старины глубокой. 1959. Научный архив СОИГСИ. Ф. Черджиева Х. С. Оп. 1. Д. 27. Т. V. 21 с.

Горелик М. В. Армии монголо-татар X–XIV вв. Воинское искусство, оружие, снаряжение. М.: ООО «Восточный горизонт», 2002. 84 с.

Горелик М. В. Аланский воинский комплекс золотоордынского времени. Отражение цивилизационных процессов в археологических культурах Северного Кавказа и сопредельных территорий. Юбилейные XV «Крупновские чтения» по археологии Северного Кавказа. Владикавказ. 21–25 апреля 2008 года. Тезисы докладов Международной научной конференции. Владикавказ, 2008. С. 136–140.

Гуцалов С. Ю. Волчье племя (к семантике образа волка в искусстве древних кочевников Южного Урала). Древности Евразии: от ранней бронзы до раннего средневековья. Памяти Валерия Сергеевича Ольховского. Сборник статей. М., 2005. С. 437–447.

Дарчиева М. В. Вербальный код осетинского обрядового текста (на материале некоторых традиционных обрядов). Владикавказ: ИПЦ СОИГСИ, 2013. 319 с.

Дзаттиаты Р. Г. Национальный флаг: благость, мужество, фарн. III Всероссийские Миллеровские чтения (Материалы научной конференции 4–5 октября 2012 г.): Сборник статей. Владикавказ, 2012. С. 121–128.

Дмитриев С. В. Знаменный комплекс в военно-политической культуре средневековых кочевников Центральной Азии (некоторые вопросы терминологии и морфологии). Военно-исторический журнал «Para Bellum». 2001. № 14.

Дэвлет М. А. Щиты и их изображения на оленных камнях. Проблемы современной археологии: сборник памяти Владимира Александровича Баширова. Материалы и исследования по археологии России. М., 2008. № 10. С. 96–125.

Иванеско А. Е. Реалии воинского быта в осетинских нартовских сказаниях и проблемы датировки ядра Нартиады. Известия вузов. Северо-кавказский регион. Общественные науки. Ростов-на-Дону, 2003. № 2. С. 34–40.

Иванов А. А., Луконин В. Г., Смесова Л. С. Ювелирные изделия Востока. Древний, средневековый периоды. Коллекция Особой кладовой отдела Востока Государственного Эрмитажа. М.: Искусство, 1984. 216 с.

Иванов Вяч. В. Сходные черты в культе волка на Кавказе, в Древней Малой Азии и на Балканах. Иванов Вяч. В. Избранные труды по семиотике и истории культуры. М., 2009. Т. 5: Мифология и фольклор. С. 108–115.

Иванчик А. И. Воины-псы. Мужские союзы и скифские вторжения в Переднюю Азию. СЭ. М., 1988. № 5. С. 38–47.

Иванчик А. И. К истолкованию сообщения Полиэна о киммерийцах (Polyaen, VII, 2, 1). Кавказ и цивилизации Востока в древности и средневековье. Владикавказ. 1993. С. 41–52.

Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Pontus Septentrionalis III. М., Берлин: «Палеограф», 2005. 313 с.

Известия древних писателей греческих и латинских о Скифии и Кавказе. Собрал и издал с русским переводом В. В. Латышев. СПб.: Типография Императорской Академии Наук, 1904. Т. II. Латинские писатели. Вып. 1. 271 с.

История Армении Моисея Хоренского. Перевел с армянского и объяснил Н. Эмин. М.: В типографии Каткова и Ко, 1858. 384+VIII с.

Ильюков Л. С. Бронзовые амулеты из Нижнего Подонья. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Материалы и исследования по истории и археологии Северного Кавказа и прилегающих территорий. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по истории народов Северного Кавказа, доктора исторических наук Татьяны Александровны Невской. Ставрополь, 2024. Вып. 17. С. 142–158.

Карпов Ю. Ю. Джигит и волк. Мужские союзы в социокультурной традиции горцев Кавказа. СПб.: МАЭ РАН, 1996. 311 с.

Ковалев К. В. «Лузитанская монархия» Бернарду де Бриту: новаторство или архаизм?. Национальная ассоциация ученых. 2015. № IX (14). С. 43–45.

Ковалевская В. Б. Кавказ и аланы. Века и народы. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1984. 192 с.

Ковалевская В. Б. Аланы в Западной Европе (соответствие данных истории, археологии, лингвистики и антропологии, IV–V вв.). Аланы: Западная Европа и Византия. ALANICA–I. Владикавказ, 1992. С. 34–85.

Ковалевская В. Б. Кавказ — скифы, сарматы, аланы I тыс. до н. э.–I тыс. н. э. Пушчино: ОНТИ ПНЦ РАН, 2005. 398 с.

Колобов А. В. Штандарты римской армии эпохи принципата. Проблемы истории, филологии, культуры. М.–Магнитогорск, 2001. Вып. X. С. 38–44.

Кочиев К. К. Древняя аланская инсигния в европейской литературе XVI–XVIII вв.. Аланское православие: история и культура: сборник материалов VIII Свято-Георгиевских чтений «Православие. Этнос. Культура». Владикавказ, 2020. С. 41–60.

Кузнецов В. А. Средневековые дольменообразные склепы Верховий Кубани. КСИА. М., 1961. Вып. 85. С. 106–117.

Кузнецов В. А. В верховьях Большого Зеленчука. М.: Искусство, 1977. 167 с.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Орджоникидзе: Ир, 1984. 303 с.

Кузнецов В. А. Очерки истории алан. Владикавказ: Ир, 1992. 392 с.

Кузнецов В. А. Кавказская Алания. Запад–Восток. Историко-археологические очерки. Пятигорск: СНЕГ, 2019. 208 с.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть первая. Греческие писатели (Продолжение). ВДИ. М., 1948. № 3 (25). С. 217–330.

Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе. Часть вторая. Латинские писатели (Продолжение). ВДИ. М., 1949. № 2 (28). С. 271–356.

Лебединский Я. Сарматы и аланы в Галлии IV–V вв.: история и наследие. Владикавказ: Проект-Пресс, 2016. 256 с.

Лукьяшко С. И., Филимонова М. Е. К интерпретации комплекса находок из кургана «Дачи» у г. Азова. Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг. Азов, 2001. Вып. 17. С. 338–346.

Малахов С. Н. Кяфарский мавзолей и христианство. Рецензия на книгу: Охонько Н. А. Новые смыслы Кяфарского мавзолея. — Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. — 138 с.; ил.. Из истории культуры народов Северного Кавказа: сборник научных статей. Научный альманах, посвященный памяти известного специалиста по археологии Северного Кавказа, кандидата исторических наук Александра Пинкусовича Мошинского. Ставрополь–М., 2023. Вып. 16. С. 501–505.

Маргулан А. Х. Петроглифы с тотемом волка. Тотем племени шапырашты. Маргулан А. Х. Мир казаха. Алматы, 1997. С. 5–14.

Маргулан А. Х. Сочинения: В 14 т. Алматы: Дайк-Пресс, 2003. Т. 3. Петроглифы Сарыарыка. Гравюры с изображением волчьего тотема. 20 с.+382 илл.

Марковин В. И. Наскальные изображения в предгорьях Северо-Восточного Дагестана. СА. М., 1958. № 1. С. 147–162.

Маршак Б. И. История восточной торевтики III–XIII вв. и проблемы культурной преемственности. СПб.: Академия исследования культуры, 2017. 736 с.

Маслов В. Е. О датировке изображений на поясных пластинах из Орлатского могильника. Евразийские древности. 100 лет Б. Н. Гракову: архивные материалы, публикации, статьи. М., 1999. С. 219–236.

Массон М. Е., Пугаченкова Г. А. Оттиски парфянских печатей из Нисы. ВДИ. М., 1954. № 4 (50). С. 159–169.

Миллер Г. Ф. О народах издревле в России обитавших. С Немецкого на Российский язык переведено Иваном Долинским. В Санкт-Петербурге, 1773. [IV]+132 с.

Михаил Николаевич Вадбольский и грузинская геральдика. М.: ООО «Старая Басманная», 2014. 154 с.

Мысыккаты Б. По следам «аланского барса». Историко-филологический архив. 10. Владикавказ, 2021. С. 37–73.

Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: Гасситы Викторы номыл рауагъдадон-полиграфион куыстуат, 2003. Ч. 1. 592 ф.

Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПО СОИГСИ, 2010. Ч. 5. 766 ф.

Нарты кадджытæ: Ирон адæмы эпос. Дзæуджыхъæу: ИПЦ СОИГСИ, 2012. Ч. 7. 617 ф.

Негин А. Е. Римское церемониальное и турнирное вооружение. СПб.: Факультет филологии и искусств СПбГУ; Нестор-История, 2010. 232 с.

Нефёдкин А. К. Под знаменем дракона: Военное дело сарматов во II в. до н. э.–V в. н. э.. Серия «*Militaria Antiqua*», V. СПб.: Петербургское востоковедение; М.: Филоматис, 2004. 192 с.

Нефёдкин А. К. Военное дело сарматов и аланов (по данным античных источников). Серия «*Historia militaris*». СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Нестор-История, 2011. 304 с.

Никоноров В. П. Вооружение и военное дело парфян. Дисс. ... канд. ист. наук. 07.00.06. Л., 1987. 274 с.

Окладников А. П. Бронзовое зеркало с изображением кентавра, найденное на острове Фаддея. СА. М.–Л., 1950. Т. XIII. С. 139–172.

Окладников А. П. Конь и знамя на Ленских писаницах. Тюркологический сборник. М.–Л., 1951. Т. I. С. 143–154.

Охонько Н. А. Семантика изображений аланской гробницы XI в. Кяфарского городища. Аланская гробница XI в. Ставрополь, 1994. С. 3–34.

Охонько Н. А. Кяфарский мавзолей аланского правителя XI века и вопросы его интерпретации. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2021. 246 с.

Охонько Н. А. Новые смыслы Кяфарского мавзолея. Ставрополь: Дизайн-студия Б, 2022. 138 с.

Памятники отреченной русской литературы. Собраны и изданы Николаем Тихонравовым (Приложение к сочинению: «Отреченные книги древней России»). М.: В Университетской типографии (Катков и К°), 1863. Т. II. IV+457 с.

Периханян А. Г. Армянская надпись из Зангезура (Некоторые вопросы среднеиранской диалектологии). Историко-филологический журнал. Ереван, 1965. № 4 (31). С. 107–128.

Полосьмак Н. В. История, вышитая шерстью. Наука из первых рук. Новосибирск, 2011. № 2 (38). С. 112–133.

Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. Результаты путешествия, исполненного в 1879 году по поручению Императорского Русского Географического обще-

ства. СПб.: Типография В. Киришбаума, 1883. Вып. IV. Материалы этнографические, с 26-ю таблицами рисунков. [XV]+1026 с.+XXVI таб.

Пропп В. Я. Исторические корни волшебной сказки. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1986. 365 с.

Пугаченкова Г. А. Образ кангюйца в согдийском искусстве. (Из открытий Узбекстанской искусствоведческой экспедиции). Из художественной сокровищницы Среднего Востока. Ташкент, 1987. С. 56–65.

Пьянков И. В. Средняя Азия в античной географической традиции: Источниковедческий анализ. М.: Издательская фирма «Восточная литература» РАН, 1997. 343 с.

Рогожинский А. Е., Сулайманова А. Т., Яценко С. А. О некоторых мифо-эпических сюжетах на позднеантичных петроглифах Тянь-Шаня. Изучение древней истории Северной и Центральной Азии: от истоков к современности: тезисы Международной научной конференции, посвященной 300-летию экспедиции Д. Г. Мессершмидта Новосибирск, 2022. С. 309–313.

Руденко С. И. Культура хуннов и Ноинулинские курганы. М.–Л.: Издательство Академии наук СССР. Ленинградское отделение, 1962. 206 с.

Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Федосеев Н. Ф., Воронков И. А. Курганы «Госпитальный» в Керчи (предварительное сообщение). Древности Боспора. М., 2018. Т. 23. С. 151–170.

Рукавишникова И. В., Бейлин Д. В., Меньшиков М. Ю. Рисунки из кургана Госпитальный. К вопросу о датировании и интерпретации. (Две точки зрения). Крым в сарматскую эпоху (II в. до н. э.–IV в. н. э.). V. Материалы X Международной научной конференции «Проблемы сарматской археологии и истории». Симферополь, 2019. С. 205–213.

Савинов Д. Г. Волчья знамена на Великом шелковом пути. Труды V (XXI) Всероссийского археологического съезда в Барнауле — Белокурихе: сборник научных статей : в 3 т. Барнаул, 2017. Т. II. С. 128–133.

Савинов Д. Г. Волчья/драконовы знамена на Западе и на Востоке. Археология Южной Сибири. К 75-летию со дня рождения Владимира Васильевича Боброва. Кемерово, 2020. Вып. 28. С. 140–148.

Саламзаде Э. А., Абдуллаева Р. Г. Народы Кавказа в поисках идентичности: национально-государственные символы и геральдика. Наследие веков. 2017. № 4 (12). С. 70–77 [сайт] URL: http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Salamzade_Abdullaeva.pdf.

Салпагаров А. История карачаймалкарского (аланского) флага. 2002 [сайт] URL: <http://salpagarov.narod.ru/kultura/flag/history1.htm>.

Сарайва Ж. Э. История Португалии. М.: Весь мир, 2007. XI+368 с.

Самашев З. С. Наскальные изображения Верхнего Прииртышья. Алма-Аты: Гылым, 1992. 288 с.

Симоненко А. В. Некоторые дискуссионные вопросы современного сарматоведения. ВДИ. М., 2002. № 1 (240). С. 107–122.

- Синица М. М. Коты и кошки в античном мире. Классическая и византийская традиции. 2021: сборник материалов XV международной научной конференции. Белгород, 2021. С. 73–92.
- Сланов А. А. Военное дело алан I–XV вв. Владикавказ: СОИГСИ им. В. И. Абасева, 2007. 400 с.
- Советова О. С., Мухарева А. Н. Об использовании знамён в военном деле средневековых кочевников (по изобразительным источникам). Сборник к 60-летию В. В. Боброва. Археология Южной Сибири. Кемерово, 2005. Вып. 23. С. 92–105.
- Сташенков Д. А. Еще раз о назначении костяных пластин из Шиловского курганного могильника. Вопросы археологии Поволжья. Самара, 2019. Вып. 7. С. 194–200.
- Сыртыпова С.-Х. Д. Память монгольских знамен и тайги. К вопросу антологии современных атрибутов власти. Азия и Африка сегодня. М., 2009. № 10 (627). С. 74–77.
- Тахнаева П. И. Из истории дагестанской вексиллологии: к вопросу о знамени Аварского ханства. Гербоведение. М., 2016. Т. V. С. 186–196.
- Техов Б. В. Центральный Кавказ в XVI–X вв. до н. э. М.: Наука, 1977. 238 с.
- Тревер К. В. Серебряное навершие сасанидского штандарта. Сборник Государственного Эрмитажа. Л., 1940. Вып. II. С. 17–19.
- Трейстер М. Ю. Малоизвестный эпизод истории сарматов: сарматы в Британии. Проблемы истории и культуры сарматов: Тезисы докладов Международной конференции, 13–16 октября 1994 года. Волгоград, 1994. С. 52–53.
- Туаллагов А. А. О знаках боспорских царей. Международная конференция «Проблемы истории и культуры сарматов». ТД. Волгоград, 1994. С. 61–62.
- Туаллагов А. А. Аланские знамена-драконы. Нижневолжский археологический вестник. Волгоград, 2000. Вып. 3. С. 159–162.
- Туаллагов А. А. Тамгообразные знаки боспорских царей. Археологія. Київ, 2002. № 1. С. 98–109.
- Туаллагов А. А. Катафрактарии и Боспор. Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы Международной научной конференции. СПб., 2004. Ч. 2. С. 276–285.
- Туаллагов А. А. К вопросу о сарматских «жезлах» и скипетрах. NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2007. Т. IV. № 1, 2. С. 194–211.
- Туаллагов А. А. Меч и фандыр (Артуриана и Нартовский эпос осетин). Владикавказ: СОИГСИ, 2011. 271 с.
- Туаллагов А. А. Ранние аланы. Владикавказ: Издательско-полиграфический центр СОИГСИ ВНИЦ РАН и Правительства РСО-А, 2014. 462 с.
- Туаллагов А. А. О семантике названий и изображений. Всероссийские Миллеровские чтения. Владикавказ, 2018. Вып. VI. С. 265–272.
- Туаллагов А. А. Образ леопарда в истории Осетии и современность. NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2021. Т. XVI. № 1, 2. С. 60–125.

Туаллагов А. А. Образ леопарда в истории Осетии и современность (II). NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2022. Т. XVII. № 1, 2. С. 311–342.

Туаллагов А. А. Зооморфный символ ясов. NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2023. Vol. XVIII. № 1, 2. С. 126–161.

Туаллагов А. А. К вопросу об аланской геральдике. KAVKAZ-FORUM. Владикавказ, 2024. Вып. 18 (25). С. 78–94.

Тъпкова-Заимова В., Милтенова А. Историко-апокалиптичната книжнина във Византия и в средновековна България. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1996. 360 с.

Уарзиати В. С. Флаг в семейной обрядности осетин. Проблемы исторической этнографии осетин. Орджоникидзе, 1987. С. 114–133.

Уарзиати В. С. К истории этнокультурной символики алан-осетин. Культура кочевников на рубеже веков (XIX–XX, XX–XXI вв.): проблемы генезиса и трансформации: Материалы международной конференции г. Алматы, 5–7 июня 1995 г. Алматы, 1995. С. 222–239.

Уарзиати В. С. Аланский триколор. Уарзиати В. С. Избранные труды: Этнология. Культурология. Семиотика. Владикавказ, 2017. Т. I. С. 276–300.

Умаров А. К вопросу об исторических знаменах казаков и их предков. 2015 [сайт] URL <https://e-history.kz/upload/iblock/6f2/6f272e770adb12692aed525bf5586e64.pdf>

Филимонова М. Е. Сокровища сарматских курганов из коллекции Азовского музея-заповедника. Сокровища сарматов. Каталог выставки. К 100-летию со дня рождения академика Бориса Борисовича Пиотровского. СПб.–Азов, 2008. С. 65–75.

Хазанов А. М. Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. СПб.: Филологический факультет СПбГУ; Издательство СПбГУ, 2008. 294 с.

Хатуев Р. Т. Карачай и Балкария до второй половины XIX в.: власть и общество. Карачаевцы и балкарцы (этнография, история, археология). М., 1999. С. 5–198.

Халимова С. Ш. Слово «дурафш / durafş» в «Шахнамэ» Абулькасима Фирдоуси. Вестник Московского государственного лингвистического университета. М., 2019. Вып. 2 (818). С. 155–163.

Худяков Ю. С. Знамена древних тюрков и кыргызов в Центральной Азии в эпоху раннего Средневековья. Тюркологический сборник. 2003–2004: Тюркские народы в древности и средневековье. М., 2005. С. 350–365.

Чибиров Л. А. Традиционная духовная культура осетин. Владикавказ: Ир, 2008. 599 с.

Чибиров Л. А. Тырыса. Осетинская этнографическая энциклопедия. Владикавказ, 2013. С. 492–493.

Шафарик П. И. Славянские древности. М.: В Университетской Типографии, 1848. Т. II. Кн. III. 276+151 с.

Щукин М. Б. На рубеже эр. Опыт историко-археологической реконструкции политических событий III в. до н. э.–I в. н. э. в Восточной и Центральной Европе. СПб.: Фарн, 1994. 324 с.

Щукин М. Б. Готский путь (готы, Рим и черняховская культура). СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2005. 576 с.

Щукин М. Б. О военных контактах между сарматами и германцами в римское время (по материалам вооружения). *Stratum plus. Культурная антропология и археология*. СПб.–Кишинев–Одесса–Бухарест, 2011. № 4 Европейская Сарматия и Херсонес. С. 167–178.

Щукин М. Б., Мачинский Д. А., Воронятов С. В. «Готский путь», плодороднейшие земли Oium и вельбаркско-черняховское поселение Лепесовка. Европейская Сарматия: Сборник, посвященный Марку Борисовичу Щукину. По материалам конференции, проведенной в рамках XIV чтений памяти Анны Мачинской. Старая Ладога, 26–27 декабря 2009 г. СПб., 2011. С. 246–291.

Эдиев Д. М. Графика Кяфарского мавзолея как отражение восхождения во власть князя Ёрюзмекка карачаево-балкарского нартского эпоса — аланского царя Оросмика. *Тюркологические исследования*. Казань, 2023. Т. 6. № 2. С. 7–28.

Якоб Рейтенфельс. Сказания Светлейшему Герцогу Тосканскому Козьме Третьему о Московии. Падуа, 1680. С латинского перевел Алексей Станкевич. М.: Типография Общества распространения полезных книг, арендуемая В. И. Вороновым, 1905. X+228 с.

Ясулов Г. Хаджи-Мурат. Дагестанский Сборник. Махач-Кала, 1927. Т. III. С. 7–49.

Яценко С. А. О преемственности мифологических образов ранних и средневековых алан. *Проблемы этнографии осетин*. Владикавказ, 1992. Вып. 2. С. 64–80.

Яценко С. А. Аланы и Рим в Северном Причерноморье в начале II в. н. э.. *Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средние века: Тезисы VI научной конференции*. Ростов-на-Дону, 1992а. С. 48–49.

Яценко С. А. Аланская проблема и центральноазиатские элементы в культуре кочевников Сарматии рубежа I–II вв. н. э.. *Петербургский археологический вестник*. СПб., 1993. № 3. С. 60–72.

Яценко С. А. Центральноазиатские и среднеазиатские традиции в искусстве Сарматии. *Античная цивилизация и варварский мир (Материалы III-го археологического семинара)*. Новочеркасск. 1993а. Ч. II. С. 75–83.

Яценко С. А. Комплекс с аланскими знаменами из могильника Дачи у Азова (рубеж I–II вв. н. э.). *Историко-археологические исследования в г. Азове и на Нижнем Дону в 1999–2000 гг.* Азов, 2001. Вып. 17. С. 363–373.

Яценко С. А. Заметки по истории и культуре сармато-аланов. *Нижневолжский археологический вестник*. Волгоград, 2003. Вып. 6. С. 304–317.

Яценко С. А. Искусство у порога иного мира. *Вестник РГГУ. Серия «История. Филология. Культурология. Востоковедение»*. М., 2017. № 10 (31). Ч. 2. С. 269–279.

Яценко С. А. Использование сарматских тамг западными и северными соседями сарматов в I–IV вв. н. э.. *Археологическое наследие. Античность. Скифы. Сарматы*. Номер

журнала, посвященный 70-летию юбилею профессора Александра Павловича Медведева. Воронеж, 2020. № 1 (3). С. 409–420.

Яценко С. А. О сарматской орнаментике. Из истории культуры народов Северного Кавказа. Ставрополь–М., 2022. Вып. 15. С. 211–226.

Яценко С. А., Добжаньска Г. Германские парадные копья II–III вв. н. э. с сарматскими знаками. Евразия в скифо-сарматское время. Памяти Ирины Ивановны Гущиной. Труды ГИМ. М., 2012. Вып. 191. С. 275–282.

Altheim F. Die Soldatenkaiser. Deutsches Ahnenerbe. Frankfurt am Main: Vittorio Klostermann, 1939. Bd. 1. 304 s.

Armas, Bandeira e Brasão de Coimbra. Texto de Carlos Santarém Andrade [сайт] URL: <https://www.cm-coimbra.pt/areas/viver/a-cidade/heraldica>

Bachrach B. S. A History of the Alans in the West. From Their First Appearance in the Sources of Classical Antiquity through the Early Middle Ages. Minnesota Monographs in the Humanities. Minnesota: University of Minnesota Press, 1973. Vol. 7. XV+161 p.

Bishop M. S., Coulston J. C. N. Roman Military Equipment. From the Punic Wars to the Fall of Rome. Oxford: Oxbow Books, 2009. XIV+321 p.

Brzezinski R., Mielczarek M. The Sarmatians 600 BC–AD 450. Men-at-Arms. Oxford: Osprey Publishing, 2002. № 373. 48 p.

Cæsar's S. R. E. Card. Baronii Od Raynaldi et Jac. Laderchii Congregationis Oratorii presbyterorum Annales ecclesiastici denuo et accurate excusæ. Barri-Ducis; Parisiis; Friburgi Helv.: ex typis Consociationis Sancti Pauli, M DCCC LXXX. T. XXIX. 1454–1480. 619 p.

Corona Gothica, Castellana, y Austriaca, politicamente ilustrada, en quatro partes dividida, con los Retratos de los reyes Godos. Por don Diego de Saavedra Faxardo. Amberes: en casa de Juan Bautista Verdussen, Impressor y Mercader de Libros, M. D. CC. VIII. 251 p.

Delia G. Wolf vs. Dragon. What if Medieval Dragons Were Wolf-Headed Snakes from Antiquity?. New Frontiers in Archaeology. Proceedings of the Cambridge Annual Student Archaeology Conference 2019. Oxford, 2020. P. 195–213.

Discorsi de principii della nobilita: Et del gouerno che ha da tenere il nobile, et principe nel reggere se medesimo, la famiglia, & la repubblica: Partiti in sei Dialoghi, composti per M. Marco de la Frata, et Mont'albano. Venetia: Nella bottega d'Erasmus di Vincenzo Valgrisi, M D LI. 236 p.

Epistolarum Turcicarum variorum et diuersorum authorum. Libri V. In quibus epistolæ de rebus turcicis summorum pontificum, imperatorum, regum, principum, aliorumque mundi procerum, iam inde à primordio regni Saracenici et Turcici usque ad hæc nostra tempora leguntur. Ex recensione Nicolai Reusneri. Francoforti ad Moenum: Excudebat Iohannes Collitius, impensis Pauli Brachfeldij, M. D. XCVIII. [VI]+303 p.

Esin E. Tös and Moncuk. Notes on Turkish Plag-Pole Finials. Central Asiatic Journal. International Periodical for the Languages, Literature, History and Archaeology of Central Asia. Wiesbaden, 1972. Vol. XVI. № 1. P. 14–36 + IX pl.

Gazerani S. The Sistani Cycle of Epics and Iran's National History: on the Margins of Historiography. Studies in Persian Cultural History. Leiden, Boston: Brill, 2016. Vol. 7. XIII+224 p.

Germaniae exegeseos volumina duodecim a Francisco Irenico Ettelingiacensi exarata. Eiusdem oratio protreptica, in amorem Germaniae, cum praesentis operis excusatione, ad Illustris. Principis Palatini Electoris Cancellarium Florentium de Pheningen, utriusque censure Doctorem. Urbis Norinbergae descriptio, Conrado Celte enarratore. Hagenoæ: typis Thomæ Anshelmi, M. D. XVIII. [1096] p.

Grünwedel A. Altbuddhistische Kultstätten in Chinesisch-Turkistan. Bericht über archäologische arbeiten von 1906 bis 1907 bei Kuča, Qarašahr und in der Oase Turfan. Mit 1 tafel und 678 figuren. Berlin: Druk und Verlag von Georg Reimer, 1912. 370 s.

Hadriani Iunii hormani, medici, Batauia. Ex officinal Plantiniana: Apud Franciscum Raphelengium, CIO IO LXXXVIII. 411 p.

Harmatta J. Studies on History and Language of the Sarmatians. Acta Antiqua et Archaeologica. Szeged, 1970. T. 13. 131 p.

Historia de gentibus septentrionalibus, Autore Olao Magno, Gotho, Archiepiscopo Upsalensi, Suetiæ & Gothiæ Primate. Antverpiæ: Apud Ioannem Bellerum, sub insigni Falconis, M. D. LXII. [366] p.

Historia Ioannis Magni Gothi sedis apostolicae legati Primatis ac archiepiscopi Upsalensis. De omnibus Gothorum Sueonumque regibus qui unquam ab initio nationis exitere, eorūque memorabilibus bellis late varieque per orbem gestis, opera Olai Magni Gothi fratris eiusdem autoris ac etiam archiepiscopi Upsalensis in lucem edita. Romæ, M. D. LIIII. 787 p.

Ivančik A. Les Guerriers-Chiens. Loups-garous et invasions scythes en Asie Mineure. Revue de l'histoire des religions. 1993. T. 210. № 3. P. 305–330.

Jesse J. R. Researches into the History of the British Dog. London: Robert Hardwicke, 192, Piccadilly, 1866. Vol. II. XVII+424 p.

Kramer J. C. The Roman Riders: Ethnicity and iconography on Roman Cavalrymen Tombstones. A thesis submitted to the faculty of Brigham Young University in partial fulfillment of the requirements for the degree of Master of Arts. Theses and Dissertations. Department of Anthropology. Brigham Young University, December 2014. VIII+228 p.

Makkay J. Iranians elements in early Mediaeval heroic poetry. The Arthurian cycle and the Waltharius. Tractata Minuscula 12. Budapest, 1998. 64 p.

Marciniak M. Draco — historia smoczego sztandaru. Draco — the history of the dragon standard. Praca magisterska na kierunku archeologia w zakresie Antropologia ogólna. Warszawa, czerwiec 2010. 241 p. [сайт] URL: https://www.academia.edu/6906546/Draco_History_of_the_Dragon_standard.

Marquart J. Untersuchungen zur Geschichte von Eran. H. 2. Philologus Zeitschrift für das Classische Altertum. Leipzig: Dieterichsche Verlagsbuchhandlung, 1905. Supplementband X. Heft. 1. 258 s.

Mattingly H. Coins of the Roman Empire in the British Museum. With an introduction and III plates. London: The British Museum. Printed by order of the trustees, 1940. Vol. IV. Antonius Pius to Commodus. CC+964 p.+111 pl.

Mattingly H. Roman Coins from the Earliest Times to the Fall of the Western Empire. London: Methuen & Co LTD, 1960. XIII+303 p.+LXIV pl.

Mayer L. A. *Saracenic Heraldry*. Oxford: at the Clarendon Press, MCMXXXIII. VII+302 p.+LXXI pl.

Meyer-Lübke W. *Romanisches Etymologisches Wörterbuch*. Heidelberg: Carl Winter's Universitätsbuchhandlung, 1911. XXII+1092 s.

Mihailescu-Bîrliaba L. A *Funerary Sculptured Monument of Chester and its Representation*. *Studia Antiqua et Archaeologica*. Iași, 2009. XV. International Workshop Economy, society and integration in the provinces of the Roman Empire, Tulcea, 7–9 September 2008. P. 146–173.

Les Monnaies des Rois Parthes: Supplément à l'ouvrage de M. le comte Prokesch-Osten par Alexis de Markoff. Paris: a la Librairie numismatique de C. van Peteghem 1877. Fasc. I. 15 p.

Moutsos D. G. *Spanish alano and Greek ἀλάνοι*. Byzantion. Bruxelles, 1995. T. LXV. Fasc. 1. P. 24–32.

Mysykkyaty B. Wæjyg. NARTAMONGÆ. Журнал Алано-Осетинских Исследований: Эпос, Мифология, Язык, История. Владикавказ–Париж, 2019. Т. XIV. № 1, 2. С. 289–378.

A New Dictionary of Heraldry, Explaining the Terms us'd in that Science, with their Etymology, and different Versions into Latin. Revis'd and Corrected, with a Letter to the Publisher, By Mr. James Coats. London: Printed for Jer. Batley at the Dove in Pater-noster-Row, M DCC XXV. 352 p.

Nickel H. *The Dragon and the Pearl*. *Metropolitan Museum Journal*. 1991. Vol. 26. P. 139–146.

Nicolini G. *The cavalryman of Chester, a Dacio or Sarmato Warrior?* April, 2021. P. 1–9 [сайт] URL: www.academia.edu/46018076/The_Cavalryman_of_Chester_a_Dacian_or_Sarmatian_Warrior.

Notitia Dignitatum et Administrationum Omnium tam Civilium quam Militarium in Partibus Orientis et Occidentis. Bonnae: Impensis Adolphi Marci, ab a. 1839 usque ad a. 1853. T. II. *Notitia Dignitatum in Partibus Occidentis*. 1209 p.

Notitia Dignitatum accedunt Notitia Urbis Constantinopolitanae et Laterculi Prouinciarum edidit Otto Seeck. Berolini: apud Weidmannos, MDCCCLXXVI. XXX+339 p.

Nouvelle méthode raisonnée du blason ou de l'art l'héraldique du P. Menestrier, Mise dans un meilleur ordre, et augm. de toutes les Connoissances relatives a cette Science. Lyon: Chez Pierre Bruyset Ponthus, M. DCC. LXXX. 620 p.

D. Philippi Jacobi *Operis Heraldici Pars Generalis & Specialis*. Francofurti ad Moenum: ex Officina Zunneriana, apud Johannem Adamum Jungium. Giessæ: Typis Johannis Mulleri, MDCC XVII. 368 p.

Richmond I. A. *The Sarmatae, Bremetennacum Veteranorum and the Regio Bremetennacensis*. *The Journal of the Roman Studies*. 1945. Vol. XXXV. P. I & II. P. 15–29.

Sarre F., Herzfeld E. *Iranische Felsreliefs. Aufnahmen und Untersuchungen von Denkmälern aus Alt- und Mittelpersischer Zeit*. Berlin: Verlegt bei Ernst Wasmuth A.-G., 1910. 277 s.+LI tafl.

Scriptores Rerum Lusaticarum Antiqui & recentiores Seu Opus, In quo Lusaticæ Gentis Origines, Res gestæ, Temporum vices, & alia ad Slavicarum Lusaticarum & vicinarum Gentium Antiquitates & Historiam pertinentia Monumenta recensentur, quidam nunc primum ex

Manuscriptis eruti, intre quos Christophori Manlii Rerum Lusaticarum Commentarii diu disederati deprehenduntur, nonnulli vero ex Libellis fugientibus, ob raritatem in Corpus conjecti, ex Bibliotheca Senatus Zittaviensis editi. Præfacionem et in Scriptores Introductionem præmisit Christ. Godofred. Hoffmannus. Lipsiæ et Buæissæ: Sumpt. Davidis Richteri, bibliopolæ, 1719. 160 p.

Segunda parte, da Monarchia Lusytana. E composta por seu mandado, pello Doutor Frey Bernardo de Brito Chronista geral, & monge religioso da Ordem de São Bernardo. Impressa em Lisboa no Mosteiro de São Bernardo, com licença & Priui legio Real. Por Pedro Crasbeek, 1609. 3+4+393+32 p.

Shahbazi A. Ch. The Parthian Origins of the House of Rustam. Bulletin of the Asia Institute. Iranian Studies in Honor of A. D. H. Bivar. New Series. 1993. Vol. 7. P. 155–163.

Tăpkova-Zaimova V., Miltenova A. Historical-Apocalyptic Literature in Byzantium and Medieval Bulgaria. Sofia: Изток-Запад, 2011. 605 p.

Themistii Orationes ex codice Mediolanensi emendatae a Guilielmo Dindorfio. Lipsiae: C. Cnobloch, MDCCCXXXII. XVI+756 p.

Theodori Hoepingi de Iure Insignium Tractatus. Noribergæ: Types et Sumptibus Wolfgangi Endteri, M. DC. XLII. 1123 p.

Tratado Sobre a Precedencia do Reino de Portugal ao Reino de Napoles. Composto por Frei Bernardo de Braga, Monge de S. Bento. Copiado de um Ms. authentico existente na Torre do Tombo. Por Albano Antero da Silveira Pinto Paleographo. Porto: Typographia da Revista, 1843. 54 p.

Ustinova Yu. Licanthropy in Sarmatian Warrior Societies: the Kobyakovo Torque. Ancient West & East. Leiden–Boston–Köln, 2002. Vol. 1. № 1. P. 102–123.

Valerius Flaccus Argonautica, book VI. A commentary by Henry J. W. Wijsman. Mnemosyne: bibliotheca classica Batava. Leiden; Boston; Koln: Brill, 2000. Suppl. 204. XII+310 p.

Vermaat R. The Draco, the Late Roman Military Standard. 1999 [сайт] URL: www.fectio.org.uk/articles/draco.htm.

Vernadsky G. Sur l'origine des Alains. Byzantion. International journal of byzantine studies (American Series, II). Boston, 1944. Vol. XVI. Fasc. 1, 1942–1943. P. 81–86.

Wheeler E. L. The Occasion of Arrian's *Tactica*. Greek, Roman, and Byzantine Studies. 1978. Vol. 19. № 4. P. 351–365.

REFERENCES

Abaev V. I. Istoriko-etimologicheskii slovar' osetinskogo yazyka. L.: Izdatel'stvo «Nauka». Leningradskoe otделение, 1989. T. IV. 325 s.

Abramzon M. G. Monety kak sredstvo propagandy ofitsial'noi politiki Rimskoi imperii. M.: IA RAN, 1995. 656 s.

Aleman' A. Alany v drevnikh i srednevekovykh pis'mennykh istochnikakh. M.: Menedzher, 2003. 608 s.

Alikberov A. K., Mudrak O. A. Tsarskie epitety v istoricheskoi onomastike Kavkaza. Vostok (Oriens). M., 2022. № 6. S. 191–200.

Al'fonso X Mudryi n sotrudniki. Istoriia Ispanii, kotoruyu sostavil blagorodneishii korol' don Al'fonso, syn blagorodnoyu korolya dona Fernando i korolevy don'i Beatris. Pod obshchei redaktsiei O. V. Aurova (sostavitel', otvetstvennyi redaktor), I. V. Ershovoi, N. A. Pastushkovoi. SPb.: Nauka, 2021. T. 2. 710 s.

Arrian. Takticheskoe iskusstvo. Perevod, kommentarii, vstupil'nye stat'i A. K. Nefedkina. Seriya «Fontes scripti antiqui». SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya, 2010. 286 s.

Arsen'eva Yu. V. O ernal'dicheskikh znamenakh v svyazi s voprosom o gosudarstvennykh tsvetakh Drevnei Rossii. SPb.: Senatskaya tipografiya, 1911. 41 s.

Auanasova A. M., Ayagan B. G., Nurpeisov E. K. Osnovaniya i pravovoi status gosudarstvennykh simvolov Kazakhstana: istoriko-pravovoi diskurs. Elektronnyi nauchno-obrazovatel'nyi zhurnal «Istoriya». 2019. T. 10. Vyp. 1 (75) [sait] URL: <http://history.jes.su/s207987840002558-2-1-ru>.

Babenko V. A., Kolesnikova M. E. Kyafarskii mavzolei alanskogo pravatelya XI veka: simvoly i smysly izobrazhenii [Rets. na kn.: Okhon'ko N. A. Kyafarskii mavzolei alanskogo pravatelya XI veka i voprosy ego interpretatsii: monografiya. Stavropol': Dizain-studiya B, 2020. 224 s.]. Gumanitarnye i yuridicheskie issledovaniya. 2022. T. 9 (2). S. 351–354.

Bannikov A. V. Rimskaya armiya v IV stoletii (ot Konstantina do Feodosiya). Seriya «Historia Militaris». SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriya, 2011. 264 s.

Bannikov A. V., Morozov M. A. Vizantiiskaya armiya (IV–XII vv.). SPb.: Evraziya, 2013. 688 s.

Bardavelidze V. V. Drevneishie religioznye verovaniya i obryadovoe graficheskoe iskusstvo gruzinskikh plemen. Tbilisi: The Centre for Cultural Relations of Georgia «Cacasian House», 2006. 234 s.+XXXII tab.

Bondarenko A. A. Kul't voina-zverya u pravyashchikh soslovii drevnikh kimmeriitsev, skifov, sarmatov. Colloquium Heptaplomeris. Nauchnyi al'manakh. Nizhnii Novgorod, 2014. Vyp. I. Yazychestvo v XX–XXI vekakh: rossiiskii i evropeiskii kontekst. S. 153–162.

Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Izobrazheniya pantsirnykh voinov na freskakh Kyzyla iz Vostochnogo Turkestana (po materialam issledovaniia A. fon Le Koka). Voennoe delo nomadov Tsentral'noi Azii v syan'biiskuyu epokhu: sbornik nauchnykh trudov. Novosibirsk, 2005. S. 56–69.

Borisenko A. Yu., Khudyakov Yu. S. Izobrazheniya oruzhiya i znamen tokharskikh voinov na freskakh Karashara, Kyzyla i Shorchuka (po materialam Al'berta fon Le Koka). Vestnik NGU. Seriya: Istoriya, filologiya. Novosibirsk, 2017. T. 16. № 7: Arkheologiya i etnografiya. S. 125–132.

Vasil'kov Ya. V. Mezhdubakoi i volkom: Po sledam instituta voinskiikh bratstv v indiiskikh traditsiyakh. Aziatskii bestiarii. Obrazy zhivotnykh v traditsiyakh Yuzhnoi, Yugo-Zapadnoi i Tsentral'noi Azii. SPb., 2009. S. 47–62.

Vasil'kov Ya. V. «Muzhi-tigry», «chelovekol'vy» i «lyudi-vepri» v indiiskom epose, kul'ture i istorii. Bestiarii II. Zoomorfizmy Azii: dvizhenie vo vremeni. SPb., 2012. S. 57–71.

Vdovchenkov E. V. Problema sushchestvovaniya muzhskikh soyuzov u sarmatov. Rannie formy potestarnykh sistem. SPb., 2013. S. 182–201.

Volkov V. V. Olennye kamni Mongolii. M.: Nauchnyi mir, 2002. 248 s.

Voronyatov S. V. Adzhimushkaiskou kop'e — bosporskoe znamya?. Seminar «Geraldika — vspomogatel'naya istoricheskaya distsiplina». Zasedanie 18 yanvarya 2012 goda v 15.00 v Zale Soveta Gosudarstvennogo Ermitazha. SPb., 2012. S. 3–11.

Voronyatov S. V. Alano-sarmatskie motivy v inventare «korolevskogo» pogrebeniya pozdnerimskogo vremeni okolo Mushova v Yuzhnoi Moravii. Zoloto, kon' i chelovek: sbornik statei k 60-letiyu Aleksandra Vladimirovicha Simonenko. Kiev, 2012a. S. 417–431.

Voronyatov S. V. O territorii srazheniya gotov so spalami v «Getica» Iordana. Voina i voennoe delo v skifo-sarmatskom mire: materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi pamyati A. I. Melyukovoi (s. Kagal'nik, 26–29 aprelya 2014 g.). Rostov-na-Donu, 2014. S. 57–72.

Voronyatov S. V., Machinskii D. A. O vremeni, obstoyatel'stvakh i smysle poyavleniya sarmatskikh tamg na germanskikh kop'yakh. Germania–Sarmatia II: sbornik nauchnykh statei po arkheologii narodov Tsentral'noi i Vostochnoi Evropy, posvyashchennyi pamyati M. B. Shchukina. Kalinigrad–Kursk, 2010. S. 57–77.

Gagloiti Yu. S. O natsional'nykh simvolakh osetinskogo naroda. Gagloiti Yu. S. Izbrannye trudy. Tskhinval, 2010. T. I. S. 336–341.

Gardanti M. K. Raznye istoricheskie spravki na osnove predanii stariny glubokoi. 1959. Nauchnyi arkhiv SOIGSI. F. Cherdzhieva Kh. S. Op. 1. D. 27. T. V. 21 s.

Gorelik M. V. Armii mongolo-tatar X–XIV vv. Voinskoe iskusstvo, oruzhie, snaryazhenie. M.: OOO «Vostochnyi gorizont», 2002. 84 s.

Gorelik M. V. Alanskii voinskii kompleks zolotoordynskogo vremeni. Otrazhenie tsivilizatsionnykh protsessov v arkheologicheskikh kul'turakh Severnogo Kavkaza i sopredel'nykh territorii. Yubileinye XV «Krupnovskie chteniya» po arkheologii Severnogo Kavkaza. Vladikavkaz. 21–25 aprelya 2008 goda. Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Vladikavkaz, 2008. C. 136–140.

Gutsalov S. Yu. Volch'e plemya (k semantike obraza volka v iskusstve drevnikh kochevnikov Yuzhnogo Urala). Drevnosti Evrazii: ot rannei bronzy do rannego srednevekov'ya. Pamyati Valeriya Sergeevicha Ol'khovskogo. Sbornik statei. M., 2005. S. 437–447.

Darchieva M. V. Verbal'nyi kod osetinskogo obryadovogo teksta (na materiale nekotorykh traditsionnykh obryadov). Vladikavkaz: IPTs SOIGSI, 2013. 319 s.

Dzattiatiy R. G. Natsional'nyi flag: blagost', muzhestvo, farn. III Vserossiiskie Millerovskie chteniya (Materialy nauchnoi konferentsii 4–5 oktyabrya 2012 g.): Sbornik statei. Vladikavkaz, 2012. S. 121–128.

Dmitriev S. V. Znamennyy kompleks v voenno-politicheskoi kul'ture srednevekovykh kochevnikov Tsentral'noi Azii (nekotorye voprosy terminologii i morfologii). Voenn-

istoricheskii zhurnal «Para Bellum». 2001. № 14 [sait] URL: parabellum.vzmakh.ru Военно-исторический журнал «Para Bellum».

Devlet M. A. Shchity i ikh izobrazheniya na olennykh kamnyakh. Problemy sovremennoi arkheologii: sbornik pamyati Vladimira Aleksandrovicha Bashirova. Materialy i issledovaniya po arkheologii Rossii. M., 2008. № 10. S. 96–125.

Ivanenko A. E. Realii voinskogo byta v osetinskikh nartovskikh skazaniyakh i problemy datirovki yadra Nartiady. Izvestiya vuzov. Severo-kavkazskii region. Obshchestvennye nauki. Rostov-na-Donu, 2003. № 2. S. 34–40.

Ivanov A. A., Lukonin V. G., Smesova L. S. Yuvelirnye izdeliya Vostoka. Drevnii, srednevekovyi periody. Kolleksiya Osoboi kladovoi otdela Vostoka Gosudarstvennogo Ermitazha. M.: Iskusstvo, 1984. 216 s.

Ivanov Vyach. V. Skhodnye cherty v kul'te volka na Kavkaze, v Drevnei Maloi Azii i na Balkana. Ivanov Vyach. V. Izbrannye trudy po semiotike i istorii kul'tury. M., 2009. T. 5: Mifologiya i fol'klor. S. 108–115.

Ivanchik A. I. Voyny-psy. Muzhskie soyuzы i skifskie vtorzheniya v Perednyuyu Aziyu. SE. M., 1988. № 5. S. 38–47.

Ivanchik A. I. K istolkovaniyu soobshcheniya Poliena o kimmeriitsakh (Polyaen, VII, 2, 1). Kavkaz i tsivilizatsii Vostoka v drevnosti i srednevekov'e. Vladikavkaz. 1993. S. 41–52.

Ivanchik A. I. Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n. e. v antichnoi literaturnoi traditsii: fol'klor, literatura i istoriya. Pontus Septentrionalis III. M., Berlin: «Paleograf», 2005. 313 s.

Izvestiya drevnikh pisatelei grecheskikh i latinskikh o Skifii i Kavkaze. Sobral i izdal s russkim perevodom V. V. Latyshev. SPb.: Tipografiya Imperatorskoi Akademii Nauk, 1904. T. II. Latinskie pisateli. Vyp. 1. 271 s.

Istoriya Armenii Moiseya Khorenskogo. Perevel s armyanskogo i ob'yasnil N. Emin. M.: V tipografii Katkova i Ko, 1858. 384+VIII s.

Il'yukov L. S. Bronzovye amulety iz Nizhnego Podon'ya. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Materialy i issledovaniya po istorii i arkheologii Severnogo Kavkaza i prilegayushchikh territorii. Nauchnyi al'manakh, posvyashchennyi pamyati izvestnogo spetsialista po istorii narodov Severnogo Kavkaza, doktora istoricheskikh nauk Tat'yany Aleksandrovny Nevskoi. Stavropol', 2024. Vyp. 17. S. 142–158.

Karpov Yu. Yu. Dzhigit i volk. Muzhskie soyuzы v sotsiokul'turnoi traditsii gortsev Kavkaza. SPb.: MAE RAN, 1996. 311 s.

Kovalev K. V. «Luzitanskaya monarkhiya» Bernardu de Britu: novatorstvo ili arkhaizm?. Natsional'naya assotsiatsiya uchenykh. 2015. № IX (14). S. 43–45.

Kovalevskaya V. B. Kavkaz i alany. Veka i narody. M.: Glavnaya redaktsiya vostochnoi literatury izdatel'stva «Nauka», 1984. 192 s.

Kovalevskaya V. B. Alany v Zapadnoi Evrope (sootvetstvie dannykh istorii, arkheologii, lingvistiki i antropologii, IV–V vv.). Alany: Zapadnaya Evropa i Vizantiya. ALANICA–I. Vladikavkaz, 1992. S. 34–85.

Kovalevskaya V. B. Kavkaz — skify, sarmaty, alany I tys. do n. e.–I tys. n. e. Pushchino: ONTI PNTs RAN, 2005. 398 s.

Kolobov A. V. Shtandarty rimskoi armii epokhi printsipata. Problemy istorii, filologii, kul'tury. M.–Magnitogorsk, 2001. Vyp. X. S. 38–44.

Kochiev K. K. Drevnyaya alanskaya insigniya v evropeiskoi literature XVI–XVIII vv.. Alanskoe pravoslavie: istoriya i kul'tura: sbornik materialov VIII Svyato-Georgievskikh chtenii «Pravoslavie. Etnos. Kul'tura». Vladikavkaz, 2020. S. 41–60.

Kuznetsov V. A. Srednevekove dol'menoobraznye sklepy Verkhovii Kubani. KSIA. M., 1961. Vyp. 85. S. 106–117.

Kuznetsov V. A. V verkhov'yakh Bol'shogo Zelenchuka. M.: Iskusstvo, 1977. 167 s.

Kuznetsov V. A. Ocherki istorii alan. Ordzhonikidze: Ir, 1984. 303 s.

Kuznetsov V. A. Ocherki istorii alan. Vladikavkaz: Ir, 1992. 392 s.

Kuznetsov V. A. Kavkazskaya Alaniya. Zapad–Vostok. Istoriko-arkheologicheskie ocherki. Pyatigorsk: CNEG, 2019. 208 s.

Latyshev V. V. Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze. Chast' pervaya. Grecheskie pisateli (Prodolzhenie). VDI. M., 1948. № 3 (25). S. 217–330.

Latyshev V. V. Izvestiya drevnikh pisatelei o Skifii i Kavkaze. Chast' vtoraya. Latinskie pisateli (Prodolzhenie). VDI. M., 1949. № 2 (28). S. 271–356.

Lebedinskii Ya. Sarmaty i alany v Gallii IV–V vv.: istoriya i nasledie. Vladikavkaz: Proekt-Press, 2016. 256 s.

Luk'yashko S. I., Filimonova M. E. K interpretatsii kompleksa nakhodok iz kurgana «Dachi» u g. Azova. Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1999–2000 gg. Azov, 2001. Vyp. 17. S. 338–346.

Malakhov S. N. Kyafarskii mavzolei i khristianstvo. Retseziya na knigu: Okhon'ko N.A. Novye smysly Kyafarskogo mavzoleya. — Stavropol': Dizain-studiya B, 2022. — 138 s.; il.. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza: sbornik nauchnykh statei. Nauchnyi al'manakh, posvyashchenniy pamyati izvestnogo spetsialista po arkheologii Severnogo Kavkaza, kandidata istoricheskikh nauk Aleksandra Pinkusovicha Moshinskogo. Stavropol'–M., 2023. Vyp. 16. S. 501–505.

Margulan A. Kh. Petroglify s totemom volka. Totem plemeni shapyrashty. Margulan A. Kh. Mir kazakha. Almaty, 1997. S. 5–14.

Margulan A. Kh. Sochineniya: V 14 t. Almaty: Daik-Press, 2003. T. 3. Petroglify Saryarka. Gravyury s izobrazheniem volch'ego totema. 20 s.+382 ill.

Markovin V. I. Naskal'nye izobrazheniya v predgor'yakh Severo-Vostochnogo Dagestana. SA. M., 1958. № 1. S. 147–162.

Marshak B. I. Istoriya vostochnoi torevtiki III–XIII vv. i problemy kul'turnoi preemstvennosti. SPb.: Akademiya issledovaniya kul'tury, 2017. 736 s.

Maslov V. E. O datirovke izobrazhenii na poynasnykh plastinakh iz Orlatskogo mogil'nika. Evraziiskie drevnosti. 100 let B. N. Grakovu: arkhivnye materialy, publikatsii, stat'i. M., 1999. S. 219–236.

Masson M. E., Pugachenkova G. A. Ottiski parfyanskikh pechatei iz Nisy. VDI. M., 1954. № 4 (50). S. 159–169.

Miller G. F. O narodakh izdrevle v Rossii obitavshikh. S Nemetskogo na Rossiiskii yazyk perevedeno Ivanom Dolinskim. V Sankt-Peterburge, 1773. [IV]+132 c.

Mikhail Nikolaevich Vadbol'skii i gruzinskaya geraldika. M.: OOO «Staraya Basmanaya», 2014. 154 s.

Mysykaty B. Po sledam «alanskogo barsa». Istoriko-filologicheskii arkhiv. 10. Vladikavkaz, 2021. S. 37–73.

Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos. Dzæudzhykh"æu: Gassity Viktory nomyl rauag" dadon-poligrafion kuystuat, 2003. Ch. 1. 592 f.

Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos. Dzæudzhykh"æu: IPO SOIGSI, 2010. Ch. 5. 766 f.

Narty kaddzhytæ: Iron adæmy epos. Dzæudzhykh"æu: IPTs SOIGSI, 2012. Ch. 7. 617 f.

Negin A. E. Rimskoe tseremonial'noe i turnirnoe vooruzhenie. SPb.: Fakul'tet filologii i iskusstv SPbGU; Nestor-Istoriya, 2010. 232 s.

Nefedkin A. K. Pod znamenem drakona: Voennoe delo sarmatov vo II v. do n. e.–V v. n. e.. Seriya «Militaria Antiqua», V. SPb.: Peterburgskoe vostokovedenie; M.: Filomatis, 2004. 192 s.

Nefedkin A. K. Voennoe delo sarmatov i alanov (po dannym antichnykh istochnikov). Seriya «Historia militaris». SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Nestor-Istoriya, 2011. 304 s.

Nikonorov V. P. Vooruzhenie i voennoe delo parfyan. Diss. ... kand. ist. nauk. 07.00.06. L., 1987. 274 s.

Okladnikov A. P. Bronzovoe zerkalo s izobrazheniem kentavra, naidennoe na ostrove Faddeya. SA. M.–L., 1950. T. XIII. S. 139–172.

Okladnikov A. P. Kon' i znamya na Lenskikh pisanitsakh. Tyurkologicheskii sbornik. M.–L., 1951. T. I. S. 143–154.

Okhon'ko N. A. Semantika izobrazhenii alanskoi grobnitsy XI v. Kyafarskogo gorodishcha. Alanskaya grobnitsa XI v. Stavropol', 1994. S. 3–34.

Okhon'ko N. A. Kyafarskii mavzolei alanskogo pravatelya XI veka i voprosy ego interpretatsii. Stavropol': Dizain-studiya B, 2021. 246 s.

Okhon'ko N. A. Novye smysly Kyafarskogo mavzoleya. Stavropol': Dizain-studiya B, 2022. 138 s.

Pamyatniki otrechennoi russkoi literatury. Sobrany i izdany Nikolaem Tikhonravovym (Prilozhenie k sochineniyu: «Otrechennye knigi drevnei Rossii»). M.: V Universitetskoi tipografii (Katkov i K°), 1863. T. II. IV+457 s.

Perikhanyan A. G. Armyanskaya nadpis' iz Zangezura (Nekotorye voprosy sredneiranskoi dialektologii). Istoriko-filologicheskii zhurnal. Erevan, 1965. № 4 (31). S. 107–128.

Polos'mak N. V. Istoriya, vyshitaya sherst'yu. Nauka iz pervykh ruk. Novosibirsk, 2011. № 2 (38). S. 112–133.

Potanin G. N. Ocherki Severo-Zapadnoi Mongolii. Rezul'taty puteshestviya, ispolnennogo v 1879 godu po porucheniyu Imperatorskogo Russkogo Geograficheskogo obshchestva. SPb.: Tipografiya V. Kirshbauma, 1883. Vyp. IV. Materialy etnograficheskie, s 26-yu tablitsami risunkov. [XV]+1026 s.+XXVI tab.

Propp V. Ya. Istoricheskie korni volshebnoi skazki. L.: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta, 1986. 365 s.

Pugachenkova G. A. Obraz kangyuitsa v sogdiiskom iskusstve. (Iz otkrytii Uzbekistanskoi iskusstvovedcheskoi ekspeditsii). Iz khudozhestvennoi sokrovishchnitsy Srednego Vostoka. Tashkent, 1987. C. 56–65.

P'yankov I. V. Srednyaya Aziya v antichnoi geograficheskoi traditsii: Istochnikovovedcheskii analiz. M.: Izdatel'skaya firma «Vostochnaya literatura» RAN, 1997. 343 s.

Rogozhinskii A. E., Sulaimanova A. T., Yatsenko S. A. O nekotorykh mifo-epicheskikh syuzhetakh na pozdneantichnykh petroglifakh Tyan'-Shanya. Izuchenie drevnei istorii Severnoi i Tsentral'noi Azii: ot istokov k sovremennosti: tezisy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posvyashchennoi 300-letiyu ekspeditsii D. G. Messershmida Novosibirsk, 2022. S. 309–313.

Rudenko S. I. Kul'tura khunnov i Noinulinskie kurgany. M.–L.: Izdatel'stvo Akademii nauk SSSR. Leningradskoe otdelenie, 1962. 206 s.

Rukavishnikova I. V., Beilin D. V., Fedoseev N. F., Voronkov I. A. Kurgan «Gospital'nyi» v Kerchi (predvaritel'noe soobshchenie). Drevnosti Bospora. M., 2018. T. 23. S. 151–170.

Rukavishnikova I. V., Beilin D. V., Men'shikov M. Yu. Risunki iz kurgana Gospital'nyi. K voprosu o datirovanii i interpretatsii. (Dve tochki zreniya). Krym v sarmatskuyu epokhu (II v. do n. e.–IV v. n. e.). V. Materialy X Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Problemy sarmatskoi arkhologii i istorii». Simferopol', 2019. S. 205–213.

Savinov D. G. Volch'i i znamenata na Velikom shelkovom puti. Trudy V (XXI) Vserossiiskogo arkhologicheskogo s"ezda v Barnaule — Belokurikhe: sbornik nauchnykh statei : v 3 t. Barnaul, 2017. T. II. S. 128–133.

Savinov D. G. Volch'i/draconovy znamenata na Zapade i na Vostoke. Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. K 75-letiyu so dnya rozhdeniya Vladimira Vasil'evicha Bobrova. Kemerovo, 2020. Vyp. 28. S. 140–148.

Salamzade E. A., Abdullaeva R. G. Narody Kavkaza v poiskakh identichnosti: natsional'no-gosudarstvennye simvoly i geraldika. Nasledie vekov. 2017. № 4 (12). S. 70–77 [sait] URL: [http:// heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Salamzade_Abdullaeva.pdf](http://heritage-magazine.com/wp-content/uploads/2017/12/2017_4_Salamzade_Abdullaeva.pdf).

Salpagarov A. Istoriya karachaimalkarskogo (alanskogo) flaga. 2002 [sait] URL: <http://salpagarov.narod.ru/kultura/flag/history1.htm>.

Saraiva Zh. E. Istoriya Portugalii. M.: Ves' mir, 2007. XI+368 s.

Samashev Z. S. Naskal'nye izobrazheniya Verkhnego Priirtysh'ya. Alma-Aty: Gylm, 1992. 288 s.

Simonenko A. V. Nekotorye diskussionnye voprosy sovremennogo sarmatovedeniya. VDI. M., 2002. № 1 (240). S. 107–122.

Sinita M. M. Koty i koshki v antichnom mire. Klassicheskaya i vizantiiskaya traditsiya. 2021: sbornik materialov XV mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. Belgorod, 2021. S. 73–92.

Slanov A. A. Voennoe delo alan I–XV vv. Vladikavkaz: SOIGSI im. V. I. Abaeva, 2007. 400 s.

Sovetova O. S., Mukhareva A. N. Ob ispol'zovanii znamen v voennom dele sredne-vekovykh kochevnikov (po izobrazitel'nym istochnikam). Sbornik k 60-letiyu V. V. Bobrova. Arkheologiya Yuzhnoi Sibiri. Kemerovo, 2005. Vyp. 23. S. 92–105.

Stashenkov D. A. Eshche raz o naznachenii kostyanykh plastin iz Shilovskogo kurgannogo mogil'nika. Voprosy arkheologii Povolzh'ya. Samara, 2019. Vyp. 7. S. 194–200.

Syrtyanova S.-Kh. D. Pamyat' mongol'skikh znamen i taigi. K voprosu antologii sovremennykh atributov vlasti. Aziya i Afrika segodnya. M., 2009. № 10 (627). S. 74–77.

Takhnaeva P. I. Iz istorii dagestanskoi veksillologii: k voprosu o znameni Avarskogo khanstva. Gerbovedenie. M., 2016. T. V. S. 186–196.

Tekhov B. V. Tsentral'nyi Kavkaz v XVI–X vv. do n. e. M.: Nauka, 1977. 238 s.

Treuer K. V. Serebryanoe navershie sasanidskogo shtandarta. Sbornik Gosudarstvennogo Ermitazha. L., 1940. Vyp. II. S. 17–19.

Treister M. Yu. Maloizvestnyi epizod istorii sarmatov: sarmaty v Britanii. Problemy istorii i kul'tury sarmatov: Tezisy dokladov Mezhdunarodnoi konferentsii, 13–16 oktyabrya 1994 goda. Volgograd, 1994. S. 52–53.

Tuallagov A. A. O znakakh bosporskikh tsarei. Mezhdunarodnaya konferentsiya «Problemy istorii i kul'tury sarmatov». TD. Volgograd, 1994. S. 61–62.

Tuallagov A. A. Alanskie znamena-drakony. Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik. Volgograd, 2000. Vyp. 3. S. 159–162.

Tuallagov A. A. Tamgoobraznye znaki bosporskikh tsarei. Arkheologiya. Kiiv, 2002. № 1. S. 98–109.

Tuallagov A. A. Katafraktarii i Bospor. Bosporskii fenomen: problemy khronologii i datirovki pamyatnikov. Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. SPb., 2004. Ch. 2. S. 276–285.

Tuallagov A. A. K voprosu o sarmatskikh «zhezlakh» i skipetrakh. NARTAMONGÆ. Zhurnal Alano-Osetinskikh Issledovaniy: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vladikavkaz–Parizh, 2007. T. IV. № 1, 2. S. 194–211.

Tuallagov A. A. Mech i fandyr (Arturiana i Nartovskii epos osetin). Vladikavkaz: SOIGSI, 2011. 271 s.

Tuallagov A. A. Rannie alany. Vladikavkaz: Izdatel'sko-poligraficheskii tsentr SOIGSI VNTs RAN i Pravitel'stva RSO-A, 2014. 462 s.

Tuallagov A. A. O semantike nazvaniy i izobrazhenii. Vserossiiskie Millerovskie chteniya. Vladikavkaz, 2018. Vyp. VI. S. 265–272.

Tuallagov A. A. Obraz leoparda v istorii Osetii i sovremennost'. NARTAMONGÆ. Zhurnal Alano-Osetinskikh Issledovaniy: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vladikavkaz–Parizh, 2021. T. XVI. № 1, 2. S. 60–125.

Tuallagov A. A. Obraz leoparda v istorii Osetii i sovremennost' (II). NARTAMONGÆ. Zhurnal Alano-Osetinskikh Issledovaniy: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vladikavkaz–Parizh, 2022. T. XVII. № 1, 2. S. 311–342.

Tuallagov A. A. Zoomorfnyi simvol yasov. NARTAMONGÆ. Zhurnal Alano-Osetinskih Issledovani: Epos, Mifologiya, Yazyk, Istoriya. Vladikavkaz–Parizh, 2023. Vol. XVIII. № 1, 2. S. 126–161.

Tuallagov A. A. K voprosu ob alanskoi geral'dike. KAVKAZ-FORUM. Vladikavkaz, 2024. Vyp. 18 (25). S. 78–94.

T'pkova-Zaimova V., Miltenova A. Istoriko-apokaliptichnata knizhnina v"v Vizantiya i v srednovekovna B"lgariya. Sofiya: Universitetsko izdatelstvo «Sv. Kliment Okhridski», 1996. 360 s.

Uarziati V. S. Flag v semeinoy obryadnosti osetin. Problemy istoricheskoy etnografii osetin. Ordzhonikidze, 1987. S. 114–133.

Uarziati V. S. K istorii etnokul'turnoy simboliki alan-osetin. Kul'tura kochevnikov na rubezhe vekov (XIX–XX, XX–XXI vv.): problemy genezisa i transformatsii: Materialy mezhdunarodnoy konferentsii g. Almaty, 5–7 iyunya 1995 g. Almaty, 1995. S. 222–239.

Uarziati V. S. Alanskii trikolor. Uarziati V. S. Izbrannyye trudy: Etnologiya. Kul'turologiya. Semiotika. Vladikavkaz, 2017. T. I. S. 276–300.

Umarov A. K voprosu ob istoricheskikh znamenakh kazakov i ikh predkov. 2015 [sait] URL <https://e-history.kz/upload/iblock/6f2/6f272e770adb12692aed525bf5586e64.pdf>

Filimonova M. E. Sokrovishcha sarmatskikh kurganov iz kollektsii Azovskogo muzeya-zapovednika. Sokrovishcha sarmatov. Katalog vystavki. K 100-letiyu so dnya rozhdeniya akademika Borisa Borisovicha Piotrovskogo. SPb.–Azov, 2008. S. 65–75.

Khazanov A. M. Izbrannyye nauchnyye trudy: Ocherki voennogo dela sarmatov. SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU; Izdatel'stvo SPbGU, 2008. 294 s.

Khatuev R. T. Karachai i Balkariya do vtoroy poloviny XIX v.: vlast' i obshchestvo. Karachaytsy i balkartsy (etnografiya, istoriya, arkheologiya). M., 1999. S. 5–198.

Khalimova S. Sh. Slovo «durafsh / durafş» v «Shakhsname» Abul'kasima Firdousi. Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta. M., 2019. Vyp. 2 (818). S. 155–163.

Khudyakov Yu. S. Znamena drevnikh tyurkov i kyrgyzov v Tsentral'noi Azii v epokhu rannego Srednevekov'ya. Tyurkologicheskii sbornik. 2003–2004: Tyurkskie narody v drevnosti i srednevekov'e. M., 2005. S. 350–365.

Chibirov L. A. Traditsionnaya dukhovnaya kul'tura osetin. Vladikavkaz: Ir, 2008. 599 s.

Chibirov L. A. Tyrysa. Osetinskaya etnograficheskaya entsiklopediya. Vladikavkaz, 2013. S. 492–493.

Shafarik P. I. Slavyanskyye drevnosti. M.: V Universitetskoj Tipografii, 1848. T. II. Kn. III. 276+151 s.

Shchukin M. B. Na rubezhe er. Opyt istoriko-arkheologicheskoy rekonstruktsii politicheskikh sobytii III v. do n. e.–I v. n. e. v Vostochnoi i Tsentral'noi Evrope. SPb.: Farn, 1994. 324 s.

Shchukin M. B. Gotskii put' (goty, Rim i chernyakhovskaya kul'tura). SPb.: Filologicheskii fakul'tet SPbGU, 2005. 576 s.

Shchukin M. B. O voennykh kontaktakh mezhdru sarmatami i germantsami v rimskoe vremya (po materialam vooruzheniya). Stratum plus. Kul'turnaya antropologiya i

arkheologiya. SPb.–Kishinev–Odessa–Bukharest, 2011. № 4 Evropeiskaya Sarmatiya i Khersones. S. 167–178.

Shchukin M. B., Machinskii D. A., Voronyatov S. V. «Gotskii put'», plodorodneishie zemli Oium i vel'barksko-chernyakhovskoe poselenie Lepesovka. Evropeiskaya Sarmatiya: Sbornik, posvyashchennyi Marku Borisovichu Shchukinu. Po materialam konferentsii, provedennoi v ramkakh XIV chtenii pamyati Anny Machinskoi. Staraya Ladoga, 26–27 dekabrya 2009 g. SPb., 2011. S. 246–291.

Ediev D. M. Grafika Kyafarskogo mavzoleya kak otrazhenie voskhozhdeniya vo vlast' knyazya Eryuzmeka karachaevo-balkarskogo nartskogo eposa — alanskogo tsarya Orosnika. Tyurkologicheskie issledovaniya. Kazan', 2023. T. 6. № 2. S. 7–28.

Yakob Reitenfel's. Skazaniya Svetleishemu Gertsogu Toskanskomu Koz'me Tret'emu o Moskovii. Paduya, 1680. S latinskogo perevel Aleksei Stankevich. M.: Tipografiya Obshchestva rasprostraneniya poleznykh knig, arenduemaya V. I. Voronovym, 1905. X+228 c.

Yasulov G. Khadzhi-Murat. Dagestanskii Sbornik. Makhach-Kala, 1927. T. III. S. 7–49.

Yatsenko S. A. O preemstvennosti mifologicheskikh obrazov rannikh i srednevekovykh alan. Problemy etnografii osetin. Vladikavkaz, 1992. Vyp. 2. S. 64–80.

Yatsenko S. A. Alany i Rim v Severnom Prichernomor'e v nachale II v. n. e.. Mezhdunarodnye otnosheniya v basseine Chernogo morya v drevnosti i srednie veka: Tezisy VI nauchnoi konferentsii. Rostov-na-Donu, 1992a. S. 48–49.

Yatsenko S. A. Alanskaya problema i tsentral'noaziatskie elementy v kul'ture kochevnikov Sarmatii rubezha I–II vv. n. e.. Peterburgskii arkheologicheskii vestnik. SPb., 1993. № 3. S. 60–72.

Yatsenko S. A. Tsentral'noaziatskie i sredneaziatskie traditsii v iskusstve Sarmatii. Antichnaya tsivilizatsiya i varvarkii mir (Materialy III-go arkheologicheskogo seminar). Novocherkassk. 1993a. Ch. II. S. 75–83.

Yatsenko S. A. Kompleks s alanskimi znamenami iz mogil'nika Dachi u Azova (rubezh I–II vv. n. e.). Istoriko-arkheologicheskie issledovaniya v g. Azove i na Nizhnem Donu v 1999–2000 gg. Azov, 2001. Vyp. 17. S. 363–373.

Yatsenko S. A. Zametki po istorii i kul'ture sarmato-alanov. Nizhnevolzhskii arkheologicheskii vestnik. Volgograd, 2003. Vyp. 6. S. 304–317.

Yatsenko S. A. Iskustvo u poroga inogo mira. Vestnik RGGU. Seriya «Istoriya. Filologiya. Kul'turologiya. Vostokovedenie». M., 2017. № 10 (31). Ch. 2. S. 269–279.

Yatsenko S. A. Ispol'zovanie sarmatskikh tamg zapadnymi i severnymi sosedyami sarmatov v I–IV vv. n. e.. Arkheologicheskoe nasledie. Antichnost'. Skify. Sarmaty. Nomer zhurnala, posvyashchennyi 70-letnemu yubileyu professora Aleksandra Pavlovicha Medvedeva. Voronezh, 2020. № 1 (3). S. 409–420.

Yatsenko S. A. O sarmatskoi ornamentike. Iz istorii kul'tury narodov Severnogo Kavkaza. Stavropol'–M., 2022. Vyp. 15. S. 211–226.

Yatsenko S. A., Dobzhan'ska G. Germanskie paradnye kop'ya II–III vv. n. e. s sarmatskimi znakami. Evraziya v skifo-sarmatskoe vremya. Pamyati Iriny Ivanovny Gushchinoi. Trudy GIM. M., 2012. Vyp. 191. S. 275–282.